

ПОСЁЛОК ПЛАВУЧИХ ДАЧ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Посёлок плавучих дач

«Автор»

2026

Велирский В.

Посёлок плавучих дач / В. Велирский — «Автор», 2026

В посёлке Тихая Заводь дома каждую ночь меняют места у причалов вслед за уровнем воды. После гибели председателя его дачу находят там, где она не могла стоять накануне, а главным подозреваемым становится лодочник Кирилл — друг мастера миниатюр Лидии Корсаковой. Лидия восстанавливает исчезнувшую карту соседства по свету на занавеске, ватерлинии, узлам, водорослям и звуку грузового понтона. Но её точный макет хранит собственную ошибку, жители защищают опасные тайны, а инвестор предлагает спасти посёлок ценой чужих домов. Чтобы отделить случайную смерть от сознательного сокрытия, Лидии придётся признать: точность не даёт права решать за других, а общий дом держится не на идеальном порядке, а на проверяемой ответственности.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Дача у синего буя	7
Глава 2. Неправильный рассвет	15
Глава 3. Таблица осадки	23
Глава 4. Узел Кирилла	31
Глава 5. Пирог без свечей	46
Глава 6. Модель не врёт	56
Глава 7. Три удара о понтон	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Влад Велирский

Посёлок плавучих дач

От автора

У всякого дома есть адрес. Мы привыкли считать его чем-то неподвижным: улица, номер, подъезд, этаж. Даже если человек уезжает надолго, адрес остаётся ждать его, как отметка на карте и обещание возвращения. Но что происходит с ощущением дома, если утром за окном оказывается не соседская веранда, а открытая вода, вчерашняя дорожка заканчивается у чужого крыльца, а привычный фонарь светит с другого причала?

«Посёлок плавучих дач» вырос из этой простой перемены. Мне хотелось представить место, где соседство нельзя принять как данность. Здесь оно каждый день складывается заново — не по симпатиям жильцов, а по уровню воды, осадке домов, длине швартовов и решениям тех, кому доверили общую безопасность. В таком посёлке карта становится не рисунком территории, а летописью отношений. Кто оказался рядом, кто уступил удобное место, кто первым заметил перекосящий настил, кто промолчал о слабом тросе — всё это однажды может оказаться важнее номера на двери.

Это детектив, поэтому в его центре есть смерть, тайна и попытка восстановить события по следам. Но прежде всего это история о сообществе, которое вынуждено решать, сколько правды оно способно выдержать. Маленькие поселения часто держатся не только на правилах. Их связывают взаимные услуги, старые долги, привычка не задавать лишних вопросов и уверенность, что завтра тот же человек поможет вытащить лодку, починить насос или встретит ребёнка на берегу. Такое доверие может быть опорой. Оно же может превратиться в удобное оправдание молчания.

Героиня книги, Лидия Корсакова, привыкла иметь дело с миниатюрами. В масштабе легко увидеть то, что теряется в настоящем пространстве: угол поворота, неверное соседство, лишнюю тень, натяжение тонкой нити. Маленький мир кажется послушным, потому что его можно охватить взглядом и переставить рукой. Настоящие люди так не устроены. Их нельзя закрепить клеем в правильных местах, а последствия чужого выбора не помещаются под прозрачный колпак.

Поэтому макет в этой книге — не волшебная машина, которая выдаёт готовый ответ. Он помогает задавать точные вопросы. Где находился дом? Каким бортом он был повернут? Что мог видеть человек из окна? Почему растение, звук или след на воде оказались не там, где их ожидали найти? Каждая улика имеет материальную причину, но ни одна не отменяет необходимости слушать людей — в том числе тогда, когда они говорят правду лишь наполовину.

Мне хотелось построить загадку честно. Важные детали появляются до разгадки, а выводы не зависят от тайной технологии или внезапного признания незнакомца. Читатель может идти рядом с Лидией, спорить с ней, замечать больше неё или ошибаться вместе с ней. Подвижная география Тихой Заводи усложняет задачу, но правила движения существуют с самого начала. Вода меняет карту, а не прошлое. Следы можно смыть, записи — переписать, таблички — перевесить, однако совершённый поступок всё равно оставляет форму в судьбах других людей.

При этом перед вами не мрачная история о месте, где каждый сосед опасен. Уют для меня не означает отсутствие серьёзных последствий и не требует закрыть глаза на зло. Он возникает там, где люди готовят еду для общего стола, спорят о мелочах, чинят чужие ступени и узнают звук знакомого мотора в темноте. Настоящий уют выдерживает вопрос. Если ради его сохранения требуется скрыть правду, значит, сохраняют уже не дом, а декорацию.

В Тихой Заводи нет полностью невинного сообщества и нет сообщества безнадёжного. Один человек уступает из страха, другой лжёт из преданности, третий прикрывает ошибку, потому что уверен: иначе пострадают все. Их мотивы понятны, но понятность не равна оправданию. Мне важно было оставить каждому поступку его вес и не превращать расследование в состязание между безупречным сыщиком и карикатурным злодеем.

Эту книгу лучше читать, не торопясь пробежать только по цепочке подозреваемых. Посмотрите на расположение домов, прислушайтесь к повторяющимся звукам, запомните, кто и откуда наблюдал рассвет. Обратите внимание на бытовые подробности: в замкнутом мире они и есть система координат. Но можно выбрать и другой путь — просто войти вместе с Лидией на качающийся настил, принять кружку чая из рук человека, которому пока не доверешь, и позволить посёлку несколько раз изменить своё лицо.

Названия мест и организаций в романе вымышлены. Устройство Тихой Заводи подчинено внутренним правилам художественного мира и служит загадке; это не техническое руководство по эксплуатации плавучих домов. Реальны здесь вопросы, которые возникают всякий раз, когда общее благо сталкивается с личной ответственностью. Кто имеет право менять порядок ради спасения остальных? Где заканчивается компромисс и начинается соучастие? Можно ли вернуть доверие, если прежнее спокойствие держалось на недоговорённости?

Ответы на такие вопросы редко бывают неподвижными. Возможно, поэтому действие и происходит на воде.

И ещё мне хотелось напомнить: внимательность — не холодное искусство искать чужую вину. Порой она начинается с готовности заметить, что привычный порядок кому-то стал тесен, опасен или несправедлив. Увидеть несовпадение мало; важнее решить, что делать с увиденным и какую ответственность принять за следующий шаг.

Влад Велирский

Глава 1. Дача у синего буя

Лидия увидела Тихую Заводь сначала вверх ногами.

Ветровое стекло старенького фургона отражало воду, и в этом отражении жёлтые, зелёные и белые домики свисали с неба, привязанные к облакам тонкими мачтами. Настоящий посёлок лежал ниже дороги, за камышовым берегом. Тридцать две плавучие дачи собирались вокруг причалов неровными улицами, между которыми вместо асфальта темнели полосы воды.

Лидия остановила машину у шлагбаума и выключила мотор. В кузове что-то тихо звякнуло.

— Только не ты, — сказала она, оборачиваясь к грузу.

Под серым чехлом стоял макет длиной почти два метра. Каждый домик она вырезала по обмерам, каждый понтон покрывала смесью графита и лака, чтобы поверхность не выглядела игрушечной. Даже буйки были полыми и держались на воде в неглубоком демонстрационном поддоне. Если в дороге сломалась хотя бы одна веранда, к субботнему празднику придётся работать ночами.

Лидия выбралась наружу. Воздух пах нагретой хвоей, тиной и дымом — не пожарным, а кухонным, от первой растопленной коптильни. На столбике у шлагбаума висела дощечка: «ТИХАЯ ЗАВОДЬ. ГОСТЯМ — К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ. МАШИНАМ — НЕ ДАЛЬШЕ СУХОЙ ЛИНИИ».

Последние два слова были подчёркнуты красным.

— Ты всё-таки приехала.

Кирилл вышел из-за будки охраны, хотя никакой охраны в будке не было. Высокий, сутулый, в выцветшей синей футболке, он нёс бухту тонкого троса на плече. За три года, которые они не виделись, волосы у него поседели на висках, зато привычка смотреть чуть в сторону сохранилась.

— А ты всё-таки сомневался.

— Я видел твои счета за мастерскую.

— Не видел. Я тебе их не показывала.

— Значит, правильно сомневался.

Он улыбнулся и раскрыл руки. Лидия обняла его осторожно, будто и дружба могла повредиться от резкого движения. Бухта упёрлась ей в лопатку.

— Это для моего торжественного повешения? — спросила она.

— Для синего буя. Ночью опять поднимут уровень. Ратников велел заменить конец до ротации.

— Здесь правда переставляют дома каждую ночь?

— Не каждую. Только когда вода решает, что диспетчер слишком давно спал спокойно.

Он открыл задние двери фургона. Серый чехол дышал от сквозняка.

— Двое суток, — предупредила Лидия. — Я потратила двое суток на расстановку. Не наклонять, не хватать за поддон, не ставить сверху рассаду, детей и общественное благо.

— Общественное благо весит меньше твоего макета?

— Обычно оно весит столько, сколько человек, который им прикрывается.

Кирилл откинул чехол. Над миниатюрной водой возник посёлок: тридцать две дачи, четыре причала, ремонтный понтон, насосная, общий сарай и узкий береговой настил. Лидия знала каждую царапину настоящих домов по фотографиям, которые ей присылали всё лето. Белый дом с красной крышей принадлежал председателю Аркадию Белову. Зелёный с резными наличниками — аптекарю Нине Савельевой. Две одинаковые серые коробки под номерами семнадцать и девятнадцать она различала лишь по водосточным цепям.

— Даже моя «Щука» есть, — сказал Кирилл.

Его плавучая мастерская стояла в макете у крайнего северного пальца причала. На крыше лежала лодка размером с ноготь.

— У «Шуки» переварено левое ограждение. Я не могла оставить симметричное.

— Я думал, никто не заметил.

— Тогда зачем вообще было делать?

Кирилл хотел ответить, но со стороны воды раздался голос:

— Затем, что ограждение держит человека, а не радует глаз.

По настилу к ним шёл Павел Ратников. Невысокий, плотный, загорелый до линии часов, он ступал так, словно даже земля под ним могла качнуться и обязана была заранее предупредить. На поясе у него висели рация и связка плоских ключей. Лидия узнала управляющего по фотографии, приложенной к письму о заказе. На снимке он стоял рядом с Беловым и держал свернутую схему причалов.

— Лидия Корсакова? — спросил он.

— Да.

— Павел Ратников. За воду, причалы и чужую самоуверенность отвечаю я. Машину оставьте здесь. Макет перенесём на клубную платформу до дождя.

Он осмотрел поддон, не восхитившись и не прикоснувшись.

— Дома стоят по схеме позавчерашнего дня.

Лидия почувствовала укол, знакомый каждому мастеру, когда заказчик первым делом находит несовпадение.

— По фотографиям, которые прислал председатель в понедельник.

— В понедельник эта схема уже устарела.

— Он просил красивый вид для праздника, а не диспетчерскую копию.

— Красивый вид опаснее неправильного. Люди быстро начинают верить тому, что можно показать пальцем.

Кирилл кашлянул.

— Паша, у нас семь минут до катера. Потом будешь пугать гостей картографией.

Ратников посмотрел на часы.

— Четыре. Катер сегодня раньше. Ветер с северного створа.

Он взялся за раму с одной стороны. Кирилл — с другой. Лидия шла рядом, придерживая чехол и повторяя указания, которых мужчины не слушали. От сухой линии к воде спускалась широкая лестница. Ниже начинался мир с иной геометрией: настил мягко поднимался под ногами, углы между дорожками едва заметно менялись, в зазорах вспыхивало солнце.

Клубной платформой называли квадратный плот под полосатым тентом. На нём уже стояли длинные столы, перевёрнутые скамьи и картонная вывеска «ДЕНЬ ЗАВОДИ». Девочка лет двенадцати раскрашивала последнюю букву, лёжа на животе.

— Варя, убери краску, — велел Ратников. — И позови Майю. Пусть проверит крепления платформы.

— Майя сказала, что крепления переживут нас всех.

— Тогда ей будет легко проверить.

Девочка поднялась, оставив на колене зелёную полосу, и уставилась на макет.

— Там люди есть?

— Пока нет, — сказала Лидия.

— А можно сделать меня?

— Если выберешь место, где не будешь мешать ротации.

Варя фыркнула так, будто слово «ротация» было взрослым способом испортить любое удовольствие, и убежала по настилу.

Макет установили на двух столах. Лидия сняла транспортировочные фиксаторы и по одному проверила дома. У дома Белова отломилась крошечная водосточная труба. Она нашла деталь на дне поддона, положила в коробочку и решила приклеить вечером.

— Аркадий придёт? — спросила она.

Ратников уже говорил по рации:

— Третий, повтори осадку двадцать четвёртого... Не среднюю, кормовую. Да, с баком.

— Он отпустил кнопку. — Белов на берегу. Должен вернуться к общему ужину.

— Он хотел согласовать подписи на макете.

— Подписи согласовывал совет.

— В письме было сказано: лично.

— Аркадий любит лично отвечать за то, что делали семеро.

Кирилл, распутывавший трос, коротко взглянул на управляющего. Лидия заметила этот взгляд, но не успела спросить: к берегу подошёл рейсовый катер, подняв волну. Весь посёлок одновременно сделал медленный поклон. Миниатюрные дома задрожали, вода в поддоне плеснула на искусственный берег.

Лидия прижала белую дачу Белова двумя пальцами.

— Для праздника выбрали прекрасное место.

— Здесь тихо между катерами, — сказал Кирилл. — Иногда целых двадцать минут.

К полудню Тихая Заводь перестала казаться ей посёлком и стала часовым механизмом, который кто-то собрал на воде без корпуса. Дорожки расходились от берега четырьмя причалами. Дома крепились к боковым пальцам, между ними оставляли проходы для лодок. На дальнем краю покачивались буи — синий, жёлтый, два красных и белый. Ратников объяснил, что цвет обозначает не владельца и не улицу, а допустимую нагрузку участка.

— Уровень снижается — тяжёлые дома уходят на центральную глубину, лёгкие можно отвести ближе к камышу, — говорил он, водя карандашом над макетом. — Поднимается — меняем плечо, чтобы настилы не вставали дыбом. Ветер меняется — освобождаем северный проход. Есть таблица осадки, есть очередность, есть люди, которые всё равно требуют оставить их у вечернего солнца.

— А номер дома остаётся прежним?

— Номер — да. Адрес причала — нет.

— Почта сходит с ума?

— Почту получает береговой шкаф. С ума сходят курьеры.

Он положил рядом с макетом ламинированную схему. В клетках стояли номера домов, значения осадки и буквенные пометки. Несколько строк были перечёркнуты синим карандашом.

— Сегодня ночью большая ротация, — продолжил Ратников. — Вода прибавит двадцать два сантиметра. По прогнозу ветер повернёт после двух. Девятый, четырнадцатый и дом Белова пойдут к внешним точкам. «Щука» Кирилла — к синему бую. Ещё шесть переставим внутри.

— Вы двигаете их с людьми?

— Если хозяева согласны и дом допускает. Обычно люди переходят на клубную платформу. Буксир идёт малым ходом, двое работают со швартовыми. Никакой самостоятельности после сигнала.

— А если уровень окажется не таким, как в прогнозе?

— Майя снимает фактический замер в десять вечера. Я корректирую таблицу. Аркадий утверждает список.

— Утверждает или утверждал? — спросил Кирилл.

Ратников медленно повернулся к нему.

— Председатель пока Белов.

— Пока — до собрания или до ужина?

— До тех пор, пока совет не решит иначе.

Лидия переставила на макете «Щуку» к синему бую. Домик не доставал до отмеченной точки: мешал белый дом Белова.

— Если схема сегодняшняя, сначала надо вывести двадцать четвёртый, — сказала она.

— Иначе Кирилл пройдёт только вплотную к его корме.

Ратников наклонился.

— На воде хватит места.

— В масштабе не хватает двадцати семи сантиметров. В натуре это почти десять метров.

— Потому что ваш двадцать четвёртый стоит не там.

— Он стоит по присланному плану.

— Я уже сказал: план старый.

Он взял белый домик и передвинул его к крайнему пальцу третьего причала. Сделал это слишком легко. Лидия резко вдохнула.

— У него снизу контакт для подсветки.

— Извините.

Ратников убрал руку. На воде под моделью остался прямоугольник более чистого пластика — след прежнего положения.

— Вот почему я не люблю красивые схемы, — сказал он. — Передвинешь одну вещь — и все уверены, будто она всегда там стояла.

После его ухода Кирилл присел на край платформы и опустил ладонь в воду.

— Не принимай близко. Он разговаривает так даже с чайником.

— Чайник хотя бы может свистнуть в ответ. Что у вас происходит с Беловым?

— Праздник.

— Ты всегда плохо врал.

— Поэтому стараюсь говорить мало.

На соседнем понтоне женщина в широкополой шляпе расставляла горшки с геранью. Услышав фамилию председателя, она обернулась, но тут же занялась цветами.

Кирилл вытер руку о джинсы.

— Аркадий сегодня собирался объявить что-то про берег. Сервитут, новый договор или продажу — версии зависят от того, кто наливает. Люди нервничают. Без сухого прохода половина домов превращается в лодки без права пристать.

— А Ратников?

— Говорит, что паника хуже плохого договора.

— Удобная мысль для человека с ключами.

— Лида.

В одном слове прозвучала просьба не начинать. Она узнала её сразу: так Кирилл говорил в институте, когда между ними и неприятностью оставалась последняя возможность отвернуться.

— Хорошо, — сказала она. — Сначала праздник.

К вечеру на клубной платформе появились клетчатые скатерти, самовар с электрическим проводом и три пирога, каждый из которых объявили главным. Жители подходили к макету по одному, но быстро собирались вокруг него тесным кругом. Они узнавали свои дома, спорили о цвете крыш, находили чужие лодки и требовали добавить важные детали: спутанную сеть, треснувшую ступень, кошку на окне.

Лидия записывала замечания в блокнот. Работа успокаивала. Здесь всякая претензия имела размер и материал.

— У меня занавески не жёлтые, а медовые, — сказала женщина с геранью. — Нина Савельева. Я присылала фотографию.

— На фотографии вечерний свет. Я подберу более тёплый оттенок.

— И дом Белова вчера стоял ко мне кухней. А у вас верандой.

— Макет собирался по старой схеме.

Нина поджала губы.

— У нас любая схема старая через сутки. Только долги всегда свежие.

Она поставила на стол блюдо с пирогом и ушла к самовару.

Около восьми появился Белов. Лидия узнала его по белой льняной рубашке и тяжёлой походке человека, привыкшего, что перед ним освобождают проход. Он был старше, чем на фотографии, и заметно устал. Под глазами лежали серые тени, воротник потемнел от жары.

— Корсакова? — спросил он, не поздоровавшись. — Показывайте.

Он обошёл макет, держа руки за спиной. Жители постепенно замолчали.

— Хорошая работа, — наконец сказал Белов. — Людям будет что вспомнить, когда нас отсюда уберут.

У самовара звякнула чашка.

— Аркадий Сергеевич, — негромко произнёс Ратников. — Мы договорились после ужина.

— Ты договорился. Я обещал подумать.

Белов указал на белый домик.

— Почему мой дом на третьем?

— Павел переставил по сегодняшней схеме, — ответила Лидия.

— Сегодняшняя будет после замера. Верните как было.

Ратников стоял у края платформы. Рация на его поясе потрескивала, но он не брал её.

Лидия перенесла домик обратно на чистый прямоугольник. Контакты подсветки вошли в пазы, в окнах загорелся тёплый свет. Кто-то одобрительно вздохнул.

— Вот, — сказал Белов. — Порядок должен быть понятен не только тому, у кого таблица в кармане.

— Порядок должен держать дома на воде, — ответил Ратников.

— И людей на берегу.

Между ними оставалось метра три, но Лидии показалось, что жители отступили, освобождая невидимый коридор.

Белов первым отвернулся.

— После десяти зайди ко мне, Павел. С журналом. И ты, Кирилл.

— Зачем я? — спросил Кирилл.

— Узнаешь.

Председатель взял с подноса чашку, не притронулся к пирогам и ушёл по второму причалу. Его дом в тот вечер стоял почти в конце — у синего буя, хотя на макете всё ещё занимал прежнее место.

— Он же только что велел вернуть его обратно, — тихо сказала Лидия.

— На макете, — ответила Нина Савельева. — В жизни Аркадий любил перемены, если двигали других.

Ужин продолжился, но стал похож на собрание, которое притворяется праздником. Говорили о погоде, краске для общей платформы, пропавшем спасательном круге. В каждом разговоре оставляли место для новости Белова, и это пустое место постепенно занимало весь стол.

В десять Майя принесла замер: вода поднималась быстрее прогноза. Она была худой, коротко стриженной, в рабочем комбинезоне с пятном машинного масла на плече. Ратников развернул таблицу прямо поверх скатерти.

— Двадцать четыре сантиметра к трём, — сказала Майя. — Северный датчик пляшет, но ручная рейка показывает честно.

— Ветер?

— Уже поворачивает.

Ратников провёл карандашом по строкам.

— Начинаем в одиннадцать. Людей с внешних домов снять к половине. Сначала двадцать четвёртый, потом «Щука», затем девятый и четырнадцатый.

— Белов хотел видеть тебя после десяти, — напомнила Лидия.

Он поднял на неё взгляд.

— Здесь каждый хочет видеть меня после десяти.

Кирилл встал из-за стола.

— Я схожу к нему.

Ратников сложил таблицу.

— Не сейчас. Подготовь буксир.

— Он позвал меня.

— И меня. Сначала обеспечим ротацию.

— Ты сказал, что начинаем в одиннадцать.

— А буксир сам подготовится в десять пятьдесят девять?

Кирилл посмотрел на Лидию, словно она могла рассудить их по одному выражению лиц. Потом взял со скамьи бухту нового троса.

— Ладно. Синий буй сначала.

— Сначала двадцать четвёртый, — поправил Ратников.

К одиннадцати окна половины дач погасли. Жители собрались на клубной платформе и берегу. Дети воспринимали ротацию как ночной парад; взрослые следили за ней с деланным безразличием людей, чьи спальни сейчас собирались тянуть по тёмной воде.

Лидия осталась у макета. Ратников разрешил включить подсветку, и миниатюрный посёлок сиял под тентом точнее настоящего. Она переставляла домики вслед за командами из рации.

— Двадцать четвёртый, отдать кормовой... Принял. Малый вперёд. Майя, свободен третий палец?

Настоящий белый дом Белова медленно отошёл от синего бую. В окнах горел свет. За занавеской кухни на мгновение возникла тень — или Лидии показалось, что возникла. Буксир потянул дом к третьему причалу.

— Председатель внутри? — спросила она у Нины.

— Он никому не разрешает распоряжаться у себя без него.

— Но людей должны были снять.

— Аркадию правила всегда жали в плечах.

Дом развернули кормой. Свет в кухне качнулся, прошёл по окнам и исчез за стеной. Через несколько минут дач встала у третьего причала. Двое работников закрепили швартовы. Один из них был Ратников; второго Лидия не разглядела под капюшоном.

Затем к синему бую повели «Щуку». Кирилл стоял за штурвалом буксира. Когда плавучая мастерская прошла мимо платформы, он поднял ладонь. Лидия ответила и передвинула его домик на макете.

Перестановка закончилась далеко за полночь. Люди разошлись. Ратников собрал таблицы, проверил узлы и велел никому не выходить на внешние настилы до утреннего обхода.

— А встреча с Беловым? — спросила Лидия.

— Теперь утром.

— Он согласился?

— Если бы не согласился, вы бы слышали.

Ратников ушёл к диспетчерской. Лидия накрыла макет чехлом, но в гостевой комнате над общим сараем уснуть не смогла. Вода постукивала снизу с настойчивостью человека, который знает: ему всё равно откроют. Иногда по посёлку проходила мелкая дрожь натянутых тросов. Около двух часов что-то трижды глухо ударило о понтон, потом заработал мотор и быстро стих.

Она подумала о белом доме, о тени за занавеской и о том, как легко Ратников переставил миниатюру. Передвинешь одну вещь — и все уверены, будто она всегда там стояла.

Утром её разбудил крик.

Лидия выбежала босиком на настил. Над водой лежал молочный туман. Дома проступали из него по одному, словно посёлок ещё не решил, в каком порядке существовать сегодня.

Крик донёсся от третьего причала.

Там, у белой дачи, стояла Варя. Девочка держалась обеими руками за перила и не двигалась. Дверь дома была распахнута. На пороге лежала разбитая чашка, а внутри, возле стола, виднелась неподвижная рука.

Лидия первой добралась до девочки.

— Не входи, — сказала Варя. Голос у неё стал совсем маленьким. — Дядя Аркадий не просыпается.

Лидия обняла её за плечи и отвела на соседний понтон. Подбежала Майя, следом Нина в накинutom поверх ночной рубашки плаще. Кирилл появился со стороны синего буя.

— Что случилось?

— Белов, — ответила Лидия. — Похоже, умер.

Кирилл шагнул к двери, но она удержала его.

— Не трогай ничего.

Ратников пришёл последним из тех, кто ночевал рядом. Он был полностью одет, только часы застегнуты не на ту дырочку. Управляющий остановился перед входом, увидел тело и сразу взял рацию.

— Всем сойти с третьего причала. Майя, закрой береговой проход. Вызываю полицию и медиков.

Он говорил ровно, без пауз. Потом заметил обрывок троса на кормовом кнехте. Конец был уложен сложным узлом с двумя встречными петлями.

Кирилл выругался шёпотом.

— Твой? — спросил Ратников.

— Трос мой. Вчера новый принёс к синему бую.

— А узел?

Кирилл не ответил.

Лидия посмотрела сквозь открытую дверь. Белов лежал на боку возле стола, будто хотел подняться и не успел. Крови она не увидела. На столе стояла чашка. Утренний свет падал на неё узкой полосой, а за чашкой тянулась длинная тень.

Что-то в этой простой картине было неверно.

Лидия подняла голову. На кухонном окне висела выгоревшая занавеска: край, годами обращённый к солнцу, был почти белым. Сейчас этот край находился с противоположной стороны от рассвета.

— Вчера дом стоял у синего буя, — сказала она.

— Все видели, как его переставляли, — отозвался Ратников.

— Я не об этом. Он стоял там другим бортом к востоку.

Управляющий медленно опустил рацию.

— Дома разворачивают при буксировке.

— Да. Но чашка не поворачивается вместе с солнцем.

Нина прижала ладонь ко рту. Майя перестала натягивать ленту поперёк прохода. Кирилл смотрел только на узел.

Лидия ещё не знала, когда умер Белов и кто был рядом. Она знала другое: утром перед ними стоял не тот порядок вещей, который существовал ночью. Кто-то рассчитывал, что движение воды объяснит любое несовпадение.

На клубной платформе под серым чехлом ждал макет. В нём белый дом Белова всё ещё находился на старом месте — у синего буя.

Глава 2. Неправильный рассвет

Первым приехал не следователь, а фельдшер.

Он оставил катер у береговой лестницы и почти бегом прошёл по третьему причалу, сердито требуя освободить дорогу. Ратников поднял ленту. Фельдшер скрылся в доме Белова и через минуту вышел уже медленно.

— Не трогали?

— Только девочка открыла дверь, — ответила Лидия. — Внутрь не заходила. Я видела с порога.

— Кто нашёл?

Варя сидела на скамье у Нины, завернутая в клетчатый плед. При слове «нашёл» она вздрогнула.

— Ребёнка пока не спрашивайте, — сказала Нина.

Фельдшер кивнул и отошёл звонить. В тумане его голос звучал особенно ясно: мужчина, около шестидесяти, признаков жизни нет, обстоятельства неясные. Лидия услышала слово «полиция» и только теперь окончательно поняла, что праздник закончился.

Люди собирались на берегу. Никто не нарушал ленту, однако каждый находил причину оказаться ближе: принести Варе чай, проверить швартов, спросить про катер. Посёлок, который ночью менял положение домов по команде, теперь не мог передвинуть ни одного человека.

Ратников записывал фамилии тех, кто оставался на платформе во время ротации. Почерк у него был мелкий и ровный.

— Вы тоже, — сказал он Лидии. — Где были после окончания работ?

— В комнате над сараем. Около двух слышала три удара и мотор.

Карандаш остановился.

— Какой мотор?

— Не знаю. Завёлся ненадолго.

— Здесь вода. Ночью моторы звучат.

— Поэтому я и не вышла.

— Три удара могли быть отбойниками.

— Могли.

Он записал и это. Лидия смотрела на его часы. Теперь ремешок был застёгнут правильно.

— Вы сказали про чашку, — продолжил Ратников. — Что именно вам показалось?

— Не показалось. Свет падает с востока, а тень идёт в глубину стола. Если дом всю ночь стоял здесь в нынешней ориентации, выгоревшая сторона занавески должна быть обращена к окну иначе.

— Дом повернули при буксировке. Вы сами видели.

— Видела. Я говорю, что обстановка внутри сохранила след прежнего положения.

— Чашку мог переставить кто угодно.

— Именно. Пока это вопрос, а не ответ.

Ратников убрал блокнот.

— Тогда оставьте его тем, кто умеет задавать такие вопросы по службе.

Катер полиции подошёл через сорок минут. Из него вышли двое: молодой сотрудник в форме и женщина в серой ветровке. Женщина на секунду остановилась на качнувшемся настиле, затем перенесла вес на носки и больше равновесия не теряла.

— Капитан Ирина Левченко, — представилась она. — Кто отвечает за посёлок?

Ратников шагнул вперёд.

— Я управляющий причалами. Председателем был погибший.

Слово «был» заставило нескольких соседей отвернуться.

Левченко сначала выслушала фельдшера, потом вошла в дом с молодым сотрудником. Она не стала расспрашивать толпу и не посмотрела на узел, который уже притягивал все взгляды. Вернувшись, велела каждому записать, где он находился с десяти вечера до утра.

— Не обсуждайте ответы между собой. Не уходите с территории без предупреждения. Это не означает, что кого-то обвиняют. Это означает, что нам нужно сохранить события до того, как вы дружно приведёте их к одной удобной версии.

Нина хмыкнула.

— У нас удобных версий отродясь не было.

— Значит, сохраните неудобные.

Лидии капитан понравилась этим ответом.

Их вызывали по одному в диспетчерскую. Пока ждала очередь, Лидия отвела Варю к клубной платформе. Девочка всё ещё держала кружку обеими руками, хотя чай давно остыл.

— Ты зачем пошла к Белову? — осторожно спросила Лидия.

— За флажками. Они у него в кладовке. Он сказал вчера утром забрать до праздника, а я забыла.

— Дверь была открыта?

— Не заперта. Я постучала. Потом вошла чуть-чуть.

— Ты видела чашку на пороге?

— Я её задела. Она упала.

Лидия посмотрела в сторону дома. Значит, разбитая чашка не имела отношения к падению Белова. Но на столе оставалась другая.

— А свет внутри горел?

— Нет. Только солнце.

— Ты ничего не трогала?

Варя помогала головой, потом призналась:

— Дверь. И ещё занавеску. Она прилипла к кружке, я отодвинула.

Это меняло рисунок света. Лидия почувствовала досаду на себя: она увидела странность и уже позволила ей стать доказательством.

— Какой край ты отодвинула?

Девочка показала правой рукой.

— Вот так. К стене.

— Хорошо. Ты всё сделала правильно, когда позвала взрослых. Теперь расскажи то же капитану. Только то, что помнишь.

— Меня будут ругать?

— За забытые флажки — возможно. За то, что позвала помощь, — нет.

Кирилл ждал у дальнего края платформы. Он раз за разом завязывал на коротком шнуре один и тот же узел, затем распускал его.

— Прекрати, — сказала Лидия.

— Что?

— Репетировать улику.

Он сунул шнур в карман.

— Узел мой. Я его сам придумал после того, как однажды чуть не оставил палец в петле. Две встречные, ходовой конец под нижнюю. Быстро отдаётся под нагрузкой.

— Кого ты учил?

— Полпосёлка.

— Включая Ратникова?

— Он учил меня швартоваться.

— Это не ответ.

Кирилл провёл ладонью по лицу.

— Включая. Пашу, Майю, Белова. Варю, правда, прогнал, когда она полезла повторять.

— Почему ты не сказал это сразу?

— Потому что трос взял из моей мастерской не полпосёлка.

— Кто?

— Я не знаю. Вчера бухта была у меня на плече. Потом я оставил её возле синего бую, пока готовил буксир. Когда пришёл, конец уже закрепили. Решил, Паша распорядился.

— Ты подходил к Белову после десяти?

— Нет.

— Но он тебя позвал.

— Ратников велел готовить буксир. После ротации я отвёл «Щуку», проверил насос и лёг.

— Один?

Он посмотрел на воду.

— Это сейчас важно?

— Для капитана — наверняка.

— Я был у Майи.

— Всю ночь?

— До половины второго. Не смотри так. Мы не объявляли, потому что Нина — её мать, а Нина считает меня временной неисправностью.

— Майя подтвердит?

— Если захочет поспорить с матерью в день смерти председателя.

— Кирилл, человек умер. Выбора не осталось.

— У вас, мастеров, всегда всё аккуратно: вот деталь, вот место. А у нас одна правда цепляет другую.

— Поэтому надо лгать?

— Поэтому я хочу хотя бы сам сказать Майе раньше полиции.

Лидия не успела ответить. Молодой сотрудник позвал Кирилла в диспетчерскую. Тот ушёл, так и не взглянув на Майю, которая стояла рядом с матерью.

Лидия подошла к макету и сняла чехол. Ночью она передвинула девять домов. Белый дом Белова стоял у третьего причала, как настоящий. Она вернула его к синему бую и повернула тем бортом, который помнила по движению буксира.

Миниатюрная кухня выходила на восток. Если на столе чашка стояла там же, где сейчас, утренний луч действительно должен был коснуться её с другой стороны. Но у макета не было настоящего солнца, а память после потрясения легко подгоняла углы.

— Вы его снова переставили.

Левченко подошла бесшумно. В руках у неё был лист с показаниями.

— Я восстанавливаю вчерашнюю схему.

— На основании?

— Собственных фотографий и того, что видела ночью.

— Вы фотографировали ротацию?

Лидия достала телефон. Снимков оказалось двадцать семь. Большинство были бесполезны: тёмная вода, световые полосы, чьи-то плечи. На одном белый дом проходил мимо платформы. На другом работники принимали его у третьего причала.

Левченко увеличила кадр.

— Время одиннадцать двадцать восемь. Кто внутри?

— Не знаю. Свет горел. Я видела тень за занавеской.

— Уверены, что человека?

— Нет. Могла двигаться сама занавеска.

— Хороший ответ.

Капитан пролистала снимки назад. На фотографии, сделанной за ужином, Белов стоял у макета. За его плечом виднелся настоящий дом у синего буя.

— Сохраните оригиналы. Ничего не обрезайте и не улучшайте. Теперь про чашку.

Лидия объяснила. Упомянула и признание Вари о сдвинутой занавеске.

— Значит, положение ткани утром не исходное, — сказала Левченко.

— Да. Но выгоревшая полоса появилась не сегодня. Она показывает, какой край обычно обращён к солнцу.

— Обычно дом мог стоять в другом месте месяцами.

— Мог.

— Чашку мог переставить Белов.

— Мог.

— Стол закреплён?

— Я не входила.

— Вот и первый полезный вопрос.

Капитан вернула телефон.

— Чем вы занимаетесь?

— Реставрирую модели. Делаю архитектурные и судовые миниатюры.

— Поэтому замечаете ориентацию предметов?

— Поэтому знаю, как часто человек принимает красивую схему за точную.

Левченко посмотрела на макет.

— А эта точная?

— Была собрана по плану понедельника. Ратников сказал, что он устарел. Ночью я меняла позиции вслед за ротацией.

— Кто ещё двигал модели?

— Ратников переставил дом Белова днём. Белов велел вернуть.

— Почему?

— Они спорили не о макете. О том, кто определяет порядок.

Левченко записала.

— Теперь ваши показания. По времени и без выводов.

В диспетчерской пахло кофе и мокрой фанерой. На стене висела большая карта причалов, испещрённая магнитами. Лидия рассказала о приезде, разговоре за ужином, ротации, трёх ударах и моторе. Капитан возвращала её к точным формулировкам всякий раз, когда «видела» превращалось в «поняла».

— Вы утверждаете, что после двух не выходили?

— Да.

— Часы проверяли?

— Телефон. Было два ноль семь, когда я услышала мотор.

— Сколько он работал?

— Секунд десять или пятнадцать. Сначала три удара, пауза, запуск.

— Откуда звук?

— Со стороны воды. Комната над сараем, окно на юг. Определить точнее не могу.

— Хорошо. Не пытайтесь вспоминать направление специально. Посмотрите на схему позже, если оно вернётся само.

Когда Лидия вышла, Кирилл стоял у берега, а Майя быстро уходила по первому причалу. Значит, разговор состоялся и прошёл плохо.

Нина преградила ему дорогу.

— Ты втянул её в это именно сегодня?

— Я никуда её не втягивал.

— Полиция спрашивает, где она ночевала.

— Потому что Белов умер, а не потому что мы с Майей...

— Не произноси.

— Мам, — сказала Майя, обернувшись. — Я сама отвечаю на вопросы.

— А он отвечает за свой трос?

Люди на берегу притихли. Кирилл побледнел.

— Трос лежал у буя. Его мог взять любой из смены.

— Узел тоже любой завязал?

— Четверо точно.

Ратников шагнул между ними.

— Хватит устраивать следствие на берегу.

— А ты уже знаешь, что скажет настоящее? — спросила Нина.

— Знаю, что из-за крика факты не меняются.

— У тебя факты меняются по таблице.

Нина ушла, увлекая Майю за собой. Кирилл остался у воды. Лидия подошла, но он поднял ладонь.

— Не сейчас.

Она вернулась к макету. Вокруг него уже никого не было. Праздничная вывеска намочла от тумана, зелёная буква потекла.

На поддоне сохранился чистый прямоугольник там, где Ратников днём сдвинул белый дом. След казался очевидным только потому, что Лидия знала его причину. Если бы она пришла утром, решила бы, что модель всегда стояла на новом месте, а прямоугольник остался после транспортировочного фиксатора.

Она достала блокнот и разделила страницу пополам. Слева написала: «ВИДЕЛА». Справа: «ПРЕДПОЛОЖИЛА».

Видела: дом Белова до ротации находился у синего буя. В одиннадцать двадцать восемь его буксировали с включённым светом. После ротации он стоял у третьего причала. Утром на столе была чашка, на окне — выгоревшая занавеска. Варя сдвинула ткань. На корме — трос Кирилла. В два ноль семь — три удара и короткий мотор.

Предположила: в доме во время буксировки был Белов. Чашка стояла до перемещения. Световой след связан со временем смерти. Ночной мотор перемещал дом.

Последняя строка выглядела особенно шатко. Большую дачу невозможно незаметно переставить за пятнадцать секунд. Значит, мотор мог относиться к лодке или генератору. А три удара — к грузовому понтону, который Кирилл показывал ей на схеме, или к обычному борту.

Левченко снова вышла из дома Белова. Молодой сотрудник нёс прозрачные пакеты. В одном лежал кусок троса, в другом — чашка со стола.

— Стол закреплён? — спросила Лидия.

Капитан посмотрела на неё без раздражения, но и без приглашения продолжать.

— Прикручен к полу. Чашка могла двигаться отдельно.

— На ней есть след от солнца?

— Солнце не оставляет отпечатков за одно утро.

— Оставляет в фотографии.

Левченко остановилась.

— Объясните.

— Белов часто снимал документы на кухонном столе. Он присылал мне фотографии деталей дома. Если на старых кадрах есть эта чашка и тени, можно восстановить привычную ориентацию стола и окна. Не доказать смерть, но проверить, когда дом был повернут так, как утром.

— У вас сохранилась переписка?

— Да.

— Покажете мне, не рассылая соседям.

Лидия открыла папку заказа. Белов прислал сто сорок три изображения: фасады, крепления, крышу, окна, мебель. На двадцатом снимке была кухня. Та же чашка стояла у кипы бумаг, ручкой к окну. Свет падал слева. На экране отражалась дата — три недели назад.

— Это не вчера, — сказала Левченко.

— Но видно, как он ставил чашку. И где выгорела занавеска.

На другом снимке край ткани был почти белым, а за окном виднелся жёлтый буй.

— Дом тогда стоял не у синего, — заметила капитан.

— Верно. Поэтому один снимок ничего не решает. Нужны даты ротаций и положение солнца для каждого кадра.

— Вы собираетесь построить модель?

— Она уже построена.

Лидия коснулась крыши белого домика, но не стала его двигать.

Капитан долго смотрела то на экран, то на миниатюрные причалы.

— Я запрошу журнал ротаций и оригиналы фотографий. Вы можете помочь объяснить устройство макета, но не входить в дом и не опрашивать людей от моего имени. Договорились?

— Договорились.

— И ещё. Предварительно видимых травм, объясняющих смерть, нет. Время и причина будут после экспертизы. Не позволяйте соседям превратить вашу занавеску в приговор.

— Не позволю.

Лидия сказала это слишком быстро.

После полудня тело увезли. Дом Белова опечатали, а третий причал открыли только для прохода. Туман рассеялся. Солнце поднялось высоко, и утренняя тень исчезла, будто её никогда не было.

Ратников принёс капитану диспетчерский журнал. Толстая тетрадь была прошита шнуром, страницы пронумерованы. Рядом он положил ламинированную рабочую таблицу.

— Все перестановки отмечены, — сказал он. — Дом Белова: от синего бую к третьему причалу, начало двадцать три шестнадцать, окончание двадцать три тридцать четыре.

Лидия сверилась с телефоном. Её снимок был сделан в двадцать три двадцать восемь. Совпадало.

— Кто работал?

— Я принимал на третьем. Кирилл управлял буксиром. Майя контролировала створ. Кирилл резко обернулся.

— Буксиром управлял я до подхода. Потом отдал Севе и пошёл за «Щукой».

— В журнале ты.

— Значит, журнал врёт.

— Ты расписался перед началом смены.

— За получение рации, а не за каждый дом.

Левченко подняла руку, прерывая спор.

— По одному. Кто такой Сева?

— Всеволод Крайнов, — ответил Ратников. — Сезонный рабочий. Уехал первым катером в шесть утра за деталями.

— До обнаружения тела?

— Да.

— Телефон.

Ратников продиктовал номер. Левченко передала его сотруднику.

Лидия смотрела на строку журнала. Чернила казались одинаковыми, но последняя цифра времени была толще остальных. Возможно, ручка просто задержалась. Возможно, кто-то исправил тройку на четвёрку. Она не стала говорить: капитан и без неё видела страницу.

В рабочей таблице рядом с домом Белова стояла синяя галочка. Ниже, у «Щуки», — такая же. Между ними оставалась пустая клетка.

— Что здесь отмечают? — спросила Лидия.

— Фактическую кормовую осадку после перестановки, — ответила Майя, вернувшаяся к группе. — Должно быть число.

— Почему пусто?

Ратников взял таблицу.

— Ночью пропустили. Проверим сегодня.

— После того как дом уже изменил нагрузку людьми и вещами? — спросила Майя.

— Аркадий жил один. Нагрузка та же.

— Тело увезли, — тихо сказала Лидия.

Все замолчали.

Ратников положил таблицу обратно.

— Разница несущественная для безопасности.

— Для безопасности, — согласилась Левченко. — Но мы сейчас проверяем не её.

К вечеру полиция уехала, оставив ленту и запрет перемещать дом Белова. Посёлок должен был снова менять схему ночью, однако никто не хотел обсуждать ротацию. Люди разошлись по дачам, и между домами впервые стало слишком много воды.

Кирилл нашёл Лидию у макета.

— Майя подтвердила, что я был у неё, — сказал он. — С половины первого до часа двадцати семи. Потом я ушёл на «Щуку».

— А Белов мог быть жив в это время?

— Фельдшер ничего не сказал.

— Значит, алиби пока не алиби.

— Спасибо.

— Я не обвиняю тебя. Но твой трос оказался на его доме, а журнал оставляет тебя на буксире.

— Журнал составлял Ратников.

— И ты публично спорил с Беловым?

— Не публично. Неделю назад. Он узнал, что я ремонтировал лодку в общем сарае без разрешения. Грозился выгнать «Щуку» с причала.

— Почему ты не сказал утром?

— Потому что с каждой правдой я выгляжу виновнее.

Лидия закрыла блокнот.

— А с каждой скрытой правдой ты становишься удобнее для чужой версии.

Кирилл сел на край платформы.

— Ты приехала на два дня.

— Да.

— Уедешь?

Она посмотрела на белый домик. В масштабе он весил меньше стакана, и всё же его положение теперь удерживало весь посёлок.

— Нет. Сначала восстанавливаю вчерашнюю карту.

— По журналу?

— По тому, что журнал не может передвинуть: солнцу, фону на фотографиях, следам на домах. Начну со всех снимков Белова. Для каждого отмечу дату, буй и сторону света.

— А если окажется, что дом стоял правильно?

— Тогда вычеркну своё предположение.

— Просто так?

— Точная модель нужна не для того, чтобы всегда быть правой.

Лидия развернула ноутбук рядом с макетом. На первом снимке из архива Белов держал металлическую рулетку у кухонного окна. За его плечом солнце освещало выгоревшую полосу занавески, а в стекле отражался синий буй.

Дата была вчерашняя. Время — девятнадцать сорок две.

Лидия увеличила отражение. Между синим буюм и домом виднелся край грузового понтона, которого не было на официальной вечерней схеме.

Неправильным оказался не рассвет. Неправильной была карта ещё до наступления ночи.

Глава 3. Таблица осадки

К девяти утра следующего дня вода отступила от нижней ступени на ширину ладони. Лидия заметила это не по мокрой полосе на бетоне, а по макету: синий карандашный штрих, которым она вчера отметила уровень, теперь оказался выше настоящей поверхности. Маленький посёлок отставал от большого уже на четыре сантиметра.

Она поставила рядом будильник, раскрыла блокнот на странице «ВИДЕЛА / ПРЕДПОЛОЖИЛА» и каждые десять минут записывала положение воды. Цифры выходили ровными, успокаивающими. Они ничего не знали ни о смерти Белова, ни о страхе Кирилла, ни о том, почему на снимке грузовой понтон стоял там, где его не было на карте. В этом и состояло их достоинство.

— Если будете мерить по ступеням, получите погоду на берегу, а не уровень в посёлке.

Майя стояла за спиной с алюминиевой рейкой и свёрнутой трубкой прозрачного пластика. Волосы она собрала под выцветшую кепку, на щеке остался след от сна или от ладони. Вид у неё был такой, словно ночь закончилась не утром, а просто сменила освещение.

— А где мерить правильно? — спросила Лидия.

— В успокоительном колодце. Там волна не пляшет.

— Покажешь?

Майя посмотрела на опечатанный третий причал. Полицейская лента шуршала на ветру, и этот слабый звук заставил её отвернуться.

— Я должна снять контрольные отметки. Ратников хотел отложить, но после вчерашнего откладывать хуже. Только вы ничего сами не трогаете.

— Это условие капитана.

— Это моё условие.

Они пошли вдоль берега. Рейка стучала Майю по резиновому сапогу. На конце второго причала была приварена узкая труба с крышкой. Майя опустила внутрь прозрачный шланг, дождалась, пока вода перестанет колебаться, и приложила рейку к метке на металле.

— Уровень — это первое число, — сказала она. — Но не главное. Главное — сколько воды остаётся под днищем в конкретном месте и как дом сидит кормой и носом. У каждого дома своя масса, баки, пристройки, привычки хозяев. Один вынесет на веранду шесть мешков земли — и наша вчерашняя таблица уже врёт.

— Поэтому после перестановки вы записываете фактическую осадку.

— Должны записывать.

Последнее слово прозвучало без защиты. Майя назвала отметку, занесла её в планшет, затем дала Лидии посмотреть. На экране была не карта, а сетка: дома по строкам, позиции по столбцам. Одни клетки были зелёными, другие жёлтыми, несколько — серыми.

— Серые запрещены всегда?

— Пока не изменится дно или конструкция. Зелёные подходят при обычном уровне. Жёлтые — условно: надо смотреть ветер, соседей и нагрузку. Красных здесь не показываем, чтобы никто случайно не принял запрет за предупреждение.

— Дом Белова мог стоять у синего буя?

— До вчерашнего вечера и стоял.

— А грузовой понтон мог пройти между ним и буюм?

Майя перестала сматывать шланг.

— Какой понтон?

Лидия открыла на телефоне фотографию Белова, но экран не протянула.

— Сначала объясни правило. Я могу неверно понимать отражение.

Майя присела на корточки и провела пальцем по влажной доске.

— Синий буй — не точка. От него идёт мёртвая цепь к донному блоку. Цепь лежит дугой, пока дом тянет её в одну сторону. Если провести тяжёлый понтон между буюм и домом, можно зацепить цепь или прижать её днищем. Поэтому грузовой ход идёт с внешней стороны. Всегда.

— А если дом временно отвести?

— Тогда можно. Но это уже перестановка, и её отмечают.

Лидия показала снимок. Майя увеличила отражение в окне двумя пальцами. Там были синий овал буя, светлая стенка дома и ржаво-красный прямоугольник с чёрной резиновой отбивкой.

— Похож на наш грузовой, — сказала она. — Но отражение перевернуто. Вы уверены, с какой стороны он был?

— Нет. Я уверена только, что предмет находился в секторе, который попал в стекло.

— Правильно. Окно ещё может искажать. У Белова старые стёкла.

— Можно построить углы по раме и фону.

— Можно. Но сначала надо понять, был ли понтон там вообще.

Майя вернула телефон и быстро пошла к диспетчерской. Лидии пришлось догонять.

Внутри Ратников говорил по рации с ремонтной бригадой. Услышав про понтон, он не удивился, а разозлился — не на Лидию, а на сам вопрос.

— Вчера разгружали настил для пятого причала. Понтон стоял у хозяйственного мостка до двадцати одного ноль-ноль.

— Снимок сделан в девятнадцать сорок две, — сказала Лидия.

— Значит, всё сходится.

— На вашей вечерней схеме его нет, — заметила Майя.

— Потому что это таблица домов. Понтон — техника.

— На схеме отмечают всё, что ограничивает проход.

— Когда оно ограничивает. Он стоял у хозяйственного.

Ратников снял со стены ламинированный лист. Синие линии обозначали рабочие коридоры, чёрные прямоугольники — дома. У синего буя не было ничего.

— Вот, — сказал он. — Внешний путь свободен. Дом Белова на месте. Грузовой у берега и ротации не мешает.

Лидия положила телефон рядом с листом.

— Тогда что отражается в окне?

— Край сарая. Красная стенка.

— У сарая нет чёрной отбивки.

— Бочка. Катер. Что угодно. По шести пикселям нельзя переставлять посёлок.

— По шести нельзя, — согласилась Лидия. — А где журнал перемещений техники?

Ратников сжал губы. Майя уже открывала нижний ящик.

— Не там, — сказал он. — Папка у зарядной станции.

Папка оказалась тонкой, с размокшими углами. В ней лежали путевые листы буксира, ведомость топлива и лист выдачи аккумуляторов. Отдельного журнала понтона не было.

— Он несамостоятельный, — объяснил Ратников. — Куда его отвели, там он и стоит. Вчера работал Сева. Спросите у него, когда вернётся.

— Капитан уже спрашивает, — сказала Лидия.

— Вот ей и отвечу.

Он забрал ламинированную схему, но Майя удержала край.

— Мне нужна таблица для замеров.

— Снимешь заново.

— Я сниму. Но вчерашние числа тоже нужны.

На секунду между ними возникло не служебное упрямство, а старая привычка: он ожидал, что она уступит, она заранее ненавидела себя за возможную уступку.

— Павел Сергеевич, — сказала Майя, — капитан просила ничего не выбрасывать и не переписывать.

— Я ничего не выбрасываю.

Ратников отпустил лист.

— И не называй рабочее обновление переписыванием. Вчера вода падала быстрее прогноза. Я менял допустимые позиции.

— После моих замеров?

— После фактической ротации.

Он ушёл на крыльцо отвечать рации. Майя смотрела ему вслед, пока голос не стал неразборчивым.

— Он правда может менять позиции после замера? — спросила Лидия.

— Может. Управляющий отвечает за ротацию. Если ветер развернулся, если освободился проход, если чей-то бак оказался полным. Но изменение должно оставлять след.

— Подпись?

— Время и причина.

Они разложили бумаги на столе. Рабочая таблица была напечатана на водостойком листе, поверх которого писали стираемым маркером. Часть цифр расплылась от влажной тряпки. У дома Белова синяя галочка сохранилась, клетка осадки пустовала. В строке ниже, относящейся к дому Нины, число «48» было написано поверх более бледной записи.

Майя наклонила лист к окну.

— Здесь было сорок три.

— Ты помнишь?

— Я помню свой почерк. Четвёрку начинаю сверху. А эта восьмёрка Павла Сергеевича.

— Пять сантиметров — много?

— Для самого дома нет. Для выбора позиции — иногда. У Нины тяжёлая терраса, ей нельзя к мелкой стороне второго причала при уровне ниже нашей нулевой отметки.

— Она там оказалась?

— Нет. По итоговой схеме ушла к четвёртому.

— Тогда зачем менять число?

— Может, я ошиблась. Может, после замера она наполнила бак. Может, на корму перенесли ящики. Пять сантиметров нельзя придумать из воздуха, но источник бывает обычным.

Лидия достала лупу. Майя усмехнулась впервые за утро.

— Вы всегда носите её с собой?

— Только когда собираюсь смотреть на мир без доверия к собственным глазам.

Под увеличением было видно, что бледное «43» не стёрли полностью. Новая восьмёрка легла на старую тройку, а рядом с числом стояла короткая вертикальная черта.

— Это отметка изменения? — спросила Лидия.

— Нет. Так я отмечаю повторный замер.

— Значит, повторяла ты, а цифру написал он?

— Или использовал мою черту, когда исправлял. Я не видела.

Лидия записала обе возможности. Рука сама хотела соединить переписанную строку с отсутствующей осадкой Белова и злостью Ратникова. Она заставила себя оставить между ними пустое место.

— Есть исходные записи?

Майя постучала по висевшему на груди чехлу телефона.

— Обычно диктую числа в заметки, пока руки мокрые, а потом переношу. Вчера не диктовала: Белов ругался, что мы задерживаем праздник, и шёл рядом до третьего дома.

— Он видел замеры?

— Он видел всё, что считал своей собственностью.

— А строку Нины?

— Мог. Но спорил не о ней. Он спросил, почему грузовой понтон у синего сектора и кто разрешил разгружать настил через жилой проход.

За окном Ратников замолчал. Майя тоже услышала тишину, но продолжила тише:

— Павел Сергеевич сказал, что хозяйственный мосток занят ремонтом. Белов потребовал убрать понтон до вечера. Когда я вернулась после следующего замера, его уже не было.

— Во сколько?

— Около восьми. Может, без десяти. Я не записывала.

Фотография в 19:42 не противоречила этому. Она только сужала промежуток.

Лидия взяла чистый лист и нарисовала синий буй, дом Белова и грузовой понтон.

— Если понтон был между домом и буем, цепь мешала. Как его туда поставили?

— Не обязательно между. Он мог стоять за домом, а в отражении наложиться на буй.

— Тогда внешний проход?

— Сужается. Большой буксир пройдёт, но с домом на тросе не развернётся.

— Значит, пока понтон там, дом Белова нельзя увести обычным маршрутом к третьему причалу.

— Нельзя, — сказала Майя. — Если только сначала не убрать понтон.

— Или не отвести дом в другую сторону.

Майя взяла карандаш и продлила линию к северному створу.

— Туда ему по таблице нельзя. На мелководе останется меньше полуметра под днищем.

— При какой осадке?

Карандаш остановился.

Они одновременно посмотрели на пустую клетку Белова.

Майя достала из шкафа толстую тетрадь прошлых замеров. За месяц кормовая осадка белого дома колебалась от сорока шести до пятидесяти одного сантиметра. Носовая держалась около сорока. Вчера утром было записано сорок восемь.

— Утренний замер годится для вечера? — спросила Лидия.

— Если он не принимал груз и не сливал воду. Белов жил один, бак проверяли позавчера.

Плюс-минус сантиметр.

— А северный створ допускает сколько?

— До сорока пяти при вчерашнем уровне.

— То есть дом не должен был пройти.

— По правилам — нет.

— А физически?

— Медленно, без волны, ближе к красному шесту — мог. Риск зацепить илом или старой арматурой. Никто ради экономии десяти минут так не поведёт жилой дом.

Лидия обвела слово «никто», но не стала спорить. В расследовании это слово стоило меньше сантиметра.

Вернулся Ратников. Он увидел раскрытую тетрадь и рисунок.

— Вы превращаете рабочие допуски в ребус.

— Пока только учусь их читать, — ответила Лидия. — Почему у Нины изменена осадка с сорока трёх на сорок восемь?

— Потому что она перетасила на корму кадки. Я увидел крен и перемерил.

Майя нахмурилась.

— Кадки у неё стоят на правом борту. Они меняют крен, не кормовую осадку на пять сантиметров.

— Там были ещё мешки.

— Какие?

— Спроси у Нины.

— Спрошу я, — сказала от двери Левченко.

Капитан вошла вместе с молодым сотрудником, который нёс прозрачный пакет для документов. Ратников отступил от стола.

— Я собирался передать таблицу.

— Поэтому она всё ещё здесь?

— Майе нужна для работы.

— Теперь для работы будет копия.

Левченко сфотографировала лист с обеих сторон и попросила Майю по порядку объяснить обозначения. Не перебивала, только уточняла, какие записи Майя сделала сама, какие узнавала уверенно, а какие могла лишь предполагать. Когда дошли до строки Нины, капитан спросила:

— Исправление могло быть внесено до смерти Белова?

— Да.

— После?

— Тоже да.

— Оно доказывает неправильную перестановку его дома?

— Нет.

— Оно связано с пустой клеткой Белова?

— Не знаю.

Лидия ощутила почти благодарность. Три коротких ответа вернули листу его настоящий вес: важная странность, а не признание, написанное синим маркером.

— Теперь фотография, — сказала капитан.

Лидия передала оригинал через функцию экспорта, не обрезая кадр. Левченко сверила время создания и предупредила, что метаданные ещё проверят. Затем выслушала объяснение Майи про цепь, внешний проход и северный створ.

— Покажите на месте, — решила она.

У синего сектора ветер усилился. Дом Белова теперь стоял далеко, у третьего причала, и пустое место казалось шире, чем вчера. Майя закрепила конец мерной ленты на кольце, провела предполагаемую линию цепи и обозначила мел тремя точками на настиле. Ратников молча передвигал переносные стойки, заменявшие дома и понтон.

— Официальная последовательность, — сказала Майя. — В девятнадцать сорок две дом Белова у синего буя. Грузовой понтон у хозяйственного мостка. В двадцать три шестнадцать буксир берёт дом с внешней стороны, выводит в общий коридор и ставит у третьего причала к двадцати трём тридцати четырём.

— А снимок? — спросила Левченко.

— Если это понтон и если геометрия отражения восстановлена правильно, он находился у синего сектора, а не у хозяйственного.

— Что тогда меняется?

Майя переставила стойку понтона.

— Внешний коридор закрыт. Сначала надо убрать понтон. Это отдельная буксировка. Либо дом Белова раньше отводили через северный створ, что нарушает допуск.

— Раньше — это когда?

— После снимка и до официального начала ротации. Или ещё до снимка, а затем вернули: окно могло отражать понтон при другой ориентации дома.

Ратников покачал головой.

— Вы строите варианты на отражении размером с ноготь.

— Поэтому нам нужны другие фотографии, — сказала Лидия.

Она вернулась к своему архиву заказчика. Белов снимал не события, а детали для макета, и именно поэтому в кадры попадало то, что он не считал важным. В 18:11 за поручнем была

видна красная крыша понтона у хозяйственного мостка. В 19:42 — чёрная отбивка возле синего буя. В 20:06 на снимке дверной ручки в стекле отражалась пустая вода.

— Между восемнадцатью одиннадцатью и девятнадцатью сорока двумя понтон перевели к синему сектору, — сказала Лидия. — Между девятнадцатью сорока двумя и двадцатью ноль шестью его убрали.

— Или красные предметы разные, — напредила Левченко.

— Да.

— Есть способ различить?

Лидия увеличила резиновую отбивку. На ней белела косая полоса.

— На понтоне вчера был новый уголок настила, стянутый белой лентой. Я видела его при разгрузке.

Майя принесла из сарая обрезок такой же ленты и фотографию работ, сделанную для отчёта. На ней косая полоса совпадала по положению, но Лидия не позволила себе назвать совпадение доказательством: снимки были с разных сторон.

Левченко отправила оба файла сотруднику.

— Допустим, понтон действительно ходил. Кто мог его буксировать?

— Сева работал на малом толкаче, — ответил Ратников. — Я дал распоряжение убрать настил от жилого сектора.

— Во сколько?

— Около восьми.

— Сначала поставить туда тоже вы распорядились?

— Нет. Он сам ошибся проходом.

— Вчера вы сказали, что понтон всё время стоял у хозяйственного мостка.

— Я сказал, где он должен был стоять. Я не веду поминутную слежку за рабочими.

Левченко не стала ловить его на формулировке. Записала ответ дословно и спросила, где малый толкач. Он оказался привязан за ремонтным сараем. На его борту ещё не высохла широкая грязная полоса, но это говорило лишь о вчерашней работе.

Лидия смотрела на стойки, расставленные Майей. Официальная последовательность объясняла перестановку дома, но не появление понтона у синего сектора. Вторая последовательность пока объясняла понтон, но требовала лишнего движения, которого не было в журнале.

Она взяла модель белого дома и поставила у синего буя. Рядом поместила плоский красный брусок вместо понтона.

— Если Сева случайно завёл понтон сюда, — сказала она, — Ратников велел убрать его около восьми. Это соответствует фотографиям. Дом не двигали. Ночью ротация прошла по журналу. Никакой тайны.

— Разумно, — сказала Левченко.

— Но есть ещё вариант. Понтон использовали как временный причал. Дом Белова отвели от буя, пропустили понтон внутрь, потом вернули дом. В отражении в девятнадцать сорок две понтон оказался рядом, а в двадцать ноль шесть исчез. Тогда дом Белова совершил две незаписанные короткие перестановки до официальной ротации.

— Зачем? — спросил Ратников.

— Не знаю.

— Потому что незачем.

— Возможно. Но таблица осадки позволяет проверить, мог ли дом пройти северным створом. Если вечером его кормовая осадка была не сорок восемь, а меньше сорока пяти, вторая последовательность становится безопасной.

Майя медленно повернулась к нему.

— Фактический замер после ночной перестановки пропущен. Но до неё я мерила дом Белова ещё раз.

— В тетради нет, — сказал Ратников.

— Потому что записала на перчатке.

Она сорвалась с места. Через минуту вернулась из подсобки с жёлтой резиновой перчаткой. На манжете синим маркером стояли три группы: «Б 44/39», «Н 43/47», «К 51/50». Чернила размазались, но цифры читались.

— Нос и корма, — объяснила Майя. — Белов: сорок четыре, тридцать девять. Дом сидел легче обычного.

— Почему? — спросила Левченко.

— Не знаю. Баки могли быть пустыми. Или из дома что-то тяжёлое вынесли.

Ветер перевернул край ламинированной схемы. Лидия прижала его ладонью.

Тридцать девять сантиметров не доказывали, что белый дом проходил северным створом. Они только снимали запрет, на котором держалась уверенность Ратникова. Теперь существовали две физически возможные ночи.

В первой дом Белова до двадцати трёх шестнадцати оставался у синего буя, а понтон ошибочно заходил к нему вечером и был убран. Затем Кирилл или Сева повёл дом внешним коридором к третьему причалу. Свет в окне принадлежал живому Белову, его тени или пустой комнате.

Во второй понтон был не помехой, а прикрытием короткой незаписанной операции. Облегчённый дом вывели через северный створ, ненадолго поставили у другой линии, вернули либо оставили ждать, а в журнал внесли только позднюю часть пути. Тогда фотография, подпись Кирилла и время двадцать три шестнадцать описывали не начало всей перестановки, а начало той перестановки, которую решили показать.

Обе версии оставляли открытым главное: когда умер Белов и что исчезло из дома вместе с пятью или девятью сантиметрами осадки.

— Перчатку в пакет, — сказала Левченко.

Майя не отдала её сразу.

— Это единственная запись моих вечерних замеров.

— Поэтому в пакет.

— Меня обвинят, что я скрыла.

— Вы только что нашли её при свидетелях и объяснили происхождение. Остальное проверим.

Майя разжала пальцы. Молодой сотрудник принял перчатку за край манжеты.

Ратников смотрел не на неё, а на белый домик в руках Лидии.

— Макет не знает течения, — сказал он.

— Не знает, — ответила Лидия. — Зато он не забывает, сколько движений требуется для каждой версии.

Она поставила возле синего буя две маленькие фишки: одну за понтон, вторую за дом. Официальной ночи хватало одного маршрута. Второй требовались три коротких перехода и человек, который понимал таблицу достаточно хорошо, чтобы воспользоваться редким окном глубины.

Лидия открыла блокнот. Под «ВИДЕЛА» записала перчатку, четыре цифры и время фотографий. Под «ПРЕДПОЛОЖИЛА» — две последовательности, ни одну не зачеркнув.

А потом заметила на обратной стороне рабочей таблицы бледный отпечаток. Когда лист лежал лицом вниз, кто-то писал на бумаге поверх него, и маркер продавил водостойкое покрытие. В косом свете проступали три знака: стрелка к северу, буква «Б» и время, начинавшееся с единицы.

Полной записи не было. Только направление, дом и час, которого не существовало в официальном журнале.

Глава 4. Узел Кирилла

Новый трос выглядел виновнее человека.

Он лежал на длинном столе в ремонтном сарае, свернувшись в прозрачном пакете, и даже сквозь плёнку сохранял аккуратный изгиб. Серо-синий, без выцветших участков, без привычной бахромы на конце. Только возле петли волокна были прижаты друг к другу так плотно, будто узел затянули не на кормовом кольце дома, а на чьём-то запястье.

Кирилл стоял у распахнутых ворот и не приближался. За его спиной вода дробила отражение сарая на коричневые и белые полосы. Лидия видела друга в профиль: щетина на скулах, тонкая царапина у виска, ладони в карманах рабочей куртки. Обычно Кирилл занимал любое помещение так, словно заранее знал, где лежит нужный ключ и какую дверь заедает. Сейчас он будто пришёл сюда впервые.

— Мой, — сказал он.

Капитан Левченко не торопила.

— Трос ваш или узел?

— И то и другое.

— Тогда начнём с того, что можно проверить. Когда вы получили трос?

Кирилл посмотрел на пакет.

— В четверг. После обеда.

— У кого?

— На складе у Семёныча.

— Расписывались?

— Если кладовщик не потерял ведомость.

Ратников, стоявший у шкафа с красками, сжал губы. Он пришёл по требованию Левченко открыть сарай и с тех пор успел трижды напомнить, что без него нельзя брать расходные материалы. Капитан каждый раз отвечала одинаково: никто ничего не берёт, все только смотрят.

Лидия смотрела не на трос, а на руки Кирилла. В детстве он учил её завязывать петлю на деревянной ручке ведра. Говорил, что хороший узел должен держать под нагрузкой и отпускать после неё, иначе это не помощник, а обида. Она так и не научилась делать его быстро. Кирилл смеялся, распускал её путаницу одним движением и начинал сначала.

— Зачем вам понадобился новый? — спросила Левченко.

— Старый перетёрся о клюз на «Щуке».

Ратников отвёл взгляд к окну.

Лидия это заметила. Кирилл тоже.

— На какой «Щуке»? — уточнила капитан.

— На моей лодке.

— В документах посёлка такой нет, — сказал Ратников. — Есть маломерное судно без двигателя, выведенное на берег два года назад.

— Вы меня спрашивали? — Кирилл повернулся к нему.

— Капитан спросила, зачем тебе трос.

— И я отвечаю.

Левченко подняла ладонь, не повышая голоса.

— По одному. Кирилл Андреевич, ваша лодка сейчас на воде?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Лидия увидела, как у него напряглась щека.

— Где она?

— В старом эллинге.

— В каком состоянии?

- В ремонтном.
- С двигателем?
- Теперь с двигателем.

Ратников коротко выдохнул через нос, словно услышал подтверждение давно известной глупости.

- Левченко записала ответ.
- Разрешение на установку есть?
- Подал заявление.
- А работы уже провели.
- Почти.
- Поэтому вы вчера не сказали, для чего брали трос?

Кирилл вынул руки из карманов. На левой ладони у основания большого пальца белела свежая полоса, похожая на ожог от верёвки.

- Поэтому.
- И поэтому солгали, что ночью сами вели буксир?
- Это другое.
- Пока выглядит как одно и то же: вы скрываете то, что может стоить вам лодки и работы.

Кирилл посмотрел на Лидию, будто хотел возразить ей, а не капитану. Она не помогла. Несколько часов назад его молчание ещё можно было принять за привычку защищать свои мелкие тайны от чужого порядка. Теперь каждая тайна давала другой вес тросу на столе.

- Я не вёл буксир после одиннадцати, — сказал он. — Передал Севе.
- Где?
- У топливного плота.
- Во сколько?
- Без десяти одиннадцать. Может, без пяти.
- В журнале ваша подпись стоит под рейсом в двадцать три шестнадцать.
- Подпись ставят перед сменой. Маршрут был известен.
- Кто именно поставил подпись?

Кирилл помедлил.

- Я.
- То есть вы подтвердили работу, которую собирались поручить сезонному сотруднику.
- Я отвечал за буксир.
- Но не управляли им.
- Не управлял.
- Почему?

В сарае заскрипела цепь подвесной лампы. Ветер проходил через ворота и едва заметно раскачивал её над пакетом.

Кирилл снова посмотрел на Ратникова.

- У меня было дело.
- Какое?
- Личное.
- Связанное со «Щукой»?

Он кивнул.

Лидия вспомнила, что ночью видела у него на рукаве чёрную крошку старого утеплителя. Такой осыпался со стен в эллинге. Тогда она решила, что Кирилл просто заходил за инструментом.

- Кто может подтвердить, что вы были там? — спросила Левченко.
- Никто.

— Удобно.

— Не особенно.

Капитан закрыла блокнот.

— Теперь трос. Расскажите его путь с четверга до вчерашней ночи. Не выводы, а действия.

Кирилл потёр белую полосу на ладони.

— Взял бухту со склада. Отнёс в эллинг. Отрезал два конца: короткий на нос, длинный на корму. Короткий поставил. Длинный оставил на верстаке, потому что кормовой рым надо переваривать.

— Концы маркировали?

— Синей ниткой под оплавлением. На моих так всегда.

Левченко попросила сотрудника повернуть пакет. У среза действительно проступала тонкая синяя нить.

— Когда в последний раз видели длинный конец?

— Вчера около семи вечера.

— Эллинг заперт?

— Обычно.

— Вчера?

— Нет.

Ратников оттолкнулся плечом от шкафа.

— Потому что замок ты снял без согласования.

— Потому что его заклинило.

— И оставил помещение с бензином открытым.

— Канистра пустая. А если бы ты починил дверь весной, мне не пришлось бы снимать замок.

— Кто знал, что трос лежит там? — спросила Левченко.

Кирилл начал загибать пальцы.

— Майя заходила за заклёпочником. Сева помогал перетаскивать мотор. Семёныч видел, куда я понёс бухту. Белов приходил ругаться из-за двигателя. Ратников тоже.

— Я не входил, — сказал Ратников.

— Стоял в дверях. Трос с порога виден.

— Вы уверены, что этот отрезок взят именно из эллинга? — Левченко указала на пакет.

— Нитка моя. Длина похожа.

— Похожий трос мог остаться от прежней бухты?

— Мог. Только новая жёстче, и рисунок другой.

Лидия наклонилась, не касаясь пакета. Серо-синее плетение состояло из диагональных дорожек. На изгибе одна дорожка исчезала под соседней, затем появлялась снова. Она мысленно уменьшила трос до масштаба макета. На модели такой рисунок пришлось бы передавать двумя оттенками нити, иначе узел превратился бы в бесформенный комок.

— Бухта была целая? — спросила она.

Левченко взглянула на неё, но кивнула: вопрос допустим.

— Запечатанная, — ответил Кирилл. — Бумажная лента, две скобы.

— Остаток в эллинге?

— Должен быть.

— Тогда можно сравнить место реза и длину, — сказала Лидия. — Если отрезали два конца подряд, по остатку станет понятно, сколько не хватает.

— Если никто потом не резал, — заметила Левченко.

— Если не резал.

Капитан велела сотруднику вызвать специалиста для осмотра эллинга. Кирилл усмехнулся без веселья.

— Вот и дождалась «Щука» официального гостя.

— Вы сами выбрали цену молчания, — сказала Лидия.

Он посмотрел на неё в упор.

— А ты выбрала капитана?

— Я выбрала не врать о верёвке рядом с мёртвым человеком.

Лидия ожидала резкого ответа. Кирилл лишь опустил глаза на свою ладонь.

— Это не верёвка.

— Прекрасно. Тогда не ври о тросе.

Майя появилась у ворот с картонной папкой и остановилась, услышав последние слова. Волосы она собрала карандашом, на куртке темнели пятна от брызг.

— Вы меня звали из-за ведомости?

— И из-за узла, — ответила Левченко. — Вы умеете такой вязать?

Майя подошла к столу, наклонилась над пакетом.

— Кириллов запорный. Умею.

Ратников нахмурился.

— Ты вчера сказала, что только видела.

— Вчера меня спросили, чей он. Я сказала, что Кирилл так вяжет. Не что больше никто не умеет.

— Кто вас научил? — спросила капитан.

— Кирилл. Три года назад, когда поплавок у насосной сорвало. Обычная петля под рывками затягивалась так, что приходилось резать. Эта держит, а хвост можно освободить, когда нагрузка снята.

— Покажете?

Кирилл резко поднял голову.

— На другом конце.

Левченко распорядилась принести учебный шнур. Ратников достал из ящика моток мягкой белой верёвки и положил на свободный край стола. Майя взяла её неуверенно, расправила конец, обнесла вокруг ручки шкафа. Первый оборот лёг правильно. На втором она остановилась, распустила и начала снова.

— Я давно не вязала.

— Не спешите, — сказала Левченко.

Майя сделала петлю, провела ходовой конец под коренной, перевернула ладонь и затянула. Получилось похоже, но хвост смотрел вниз, тогда как у узла в пакете уходил вдоль троса.

— Неправильно, — сказала она сама. — Держать будет, развязываться — нет.

Кирилл машинально потянулся к верёвке, но остановился.

— Третий оборот изнутри, — подсказал он.

Майя повторила. На этот раз узел лёг почти так же, как на серо-синем тросе.

Левченко сфотографировала результат.

— Кто ещё учился?

— Сева, — ответила Майя. — Не знаю, запомнил ли. Двое прошлых сезонников. Павел Сергеевич видел десятки раз. Белов просил показать ему прошлой осенью.

— Зачем Белову?

— Хотел единый стандарт швартовки. Потом отказался: сказал, если прописать редкий узел в инструкции, при аварии крайним окажется тот, кто обучал.

Кирилл тихо хмыкнул.

— Это на него похоже.

— А скопировать по готовому узлу можно? — спросила Лидия.

— Если не затянут и есть время, — сказал Кирилл. — Можно сфотографировать. Можно разобрать по обороту. Но с первого раза хвост обычно выводят не туда.

— Как у Майи сейчас.

— Да.

Лидия посмотрела на узел в пакете. Его хвост лежал вдоль коренного конца, аккуратно и плоско.

— Значит, его завязал человек, который умел, или тот, кто мог несколько раз попробовать в спокойном месте.

— На воде ночью пробовать неудобно, — сказала Майя. — Особенно на корме жилого дома.

— Если узел вязали на корме, — добавила Лидия.

Кирилл впервые за утро посмотрел на неё с одобрением.

Левченко не улыбнулась.

— Объясните.

— Петлю могли подготовить заранее, — сказала Лидия. — На поручне, на тумбе, на любом предмете примерно такого диаметра. Потом снять и набросить на кольцо.

— Нет, — Кирилл подошёл ближе к столу. — Эту не набрасывали.

— Почему?

Он указал через плёнку на короткий потемневший участок внутри петли.

— Ржавчина от кольца. Если готовую петлю накинуть, след будет на наружной стороне первого оборота или размажется. Здесь трос обвели вокруг кольца, потом вязали.

— Или петлю после накидывания провернули, — сказал Ратников.

— Под натяжением?

— До натяжения.

Кирилл прищурился.

— Можно. Только зачем?

— Чтобы след оказался там, где он оказался.

— Люди не завязывают швартовы ради красивого следа.

Лидия услышала в их споре не только раздражение. Ратников слишком хорошо представлял, как ведёт себя петля. Но управляющий причалами обязан был это знать; превращать знание в обвинение было бы так же нечестно, как считать подпись Кирилла доказательством его присутствия за рулём.

— Сколько времени нужно, чтобы научиться? — спросила Левченко.

— Кому как, — ответил Кирилл. — Сева схватил на второй день. Майя через неделю могла вязать вслепую. Павел Сергеевич однажды сделал при мне, когда перчатку порвал.

Ратников медленно повернулся.

— Обычную петлю.

— Мою.

— Ты поправил хвост.

— После того как ты затянул.

Майя сняла карандаш с волос и прижала им край ведомости.

— Я тоже помню. Это было у зелёного ряда, в прошлом июле.

— Выходит, помимо Кирилла, узел уверенно вязали вы, Сева и, вероятно, Павел Сергеевич, — подвела итог Левченко. — Белов мог знать принцип. Остальные могли видеть или скопировать.

— Но трос всё равно мой, — сказал Кирилл.

— Это пока самый устойчивый факт.

В складской ведомости нашлась выдача: четверг, бухта серо-синего троса, сорок метров, подпись Кирилла. Ниже стояла строка о двух карабинах для технического кармана, получен-

ных Ратниковым тем же вечером. Чернила выглядели одинаково свежими, но это ничего не доказывало: Семёныч заполнял журнал одной ручкой.

Сам кладовщик пришёл через десять минут — сухой маленький мужчина в кепке с ровным козырьком. Он долго протирал очки, прежде чем подтвердить, что отдал Кириллу запечатанную бухту.

— Один был? — спросила Левченко.

— Когда выдавал — один. Потом Павел Сергеевич пришёл за карабинами. Кирилл ещё тут крутился, скобы из ленты вынимал.

— Куда унёс бухту?

— На плечо и в эллинг.

— Кто видел?

— Полпосёлка могло видеть. Праздник готовили.

— Сева?

— Сева точно. Тележку предложил, Кирилл отказался.

— Почему запомнили?

Семёныч надел очки.

— Потому что они поспорили, что сорок метров на плечо — не вес. Сева сказал: раз не вес, отдай ему десять метров для толкача. Кирилл сказал: получишь, когда научишься не резать трос возле самого узла.

Левченко взглянула на Кирилла.

— Дали?

— Нет.

— Сева мог решить, что всё-таки дал, — вставил Ратников. — У нас расходники общие.

— Бухта записана на меня, — сказал Кирилл.

— А буксир общий.

— Поэтому с него исчезают концы?

— Поэтому не нужно хранить нужный материал в самовольно занятом эллинге.

Левченко пресекла спор одним взглядом.

Сева не отвечал на телефон. Ратников сказал, что утром отправил его за фильтрами в районный посёлок. Майя удивилась:

— На автобусе?

— На служебном велосипеде до станции.

— Фильтры нужны были вчера.

— Вчера магазин закрылся.

— Когда вернётся? — спросила капитан.

— К обеду.

— Позвоните ему ещё раз при мне.

Ратников набрал номер, включил громкую связь. После длинных гудков ответил чужой голос: абонент временно недоступен. Управляющий пожал плечами.

— На дороге связь пропадает.

— Как выглядит служебный велосипед? — спросила Лидия.

— Красный, с ящиком, — ответила Майя.

Лидия вспомнила красную раму, прислонённую утром к стене диспетчерской. В памяти предмет мог легко поменять время, поэтому она не сказала, что видела велосипед сегодня. Она достала телефон и открыла снимки, сделанные у синего сектора во время замеров. На фотографии в 09:18 за плечом Ратникова виднелся угол диспетчерской. К стене была прислонена красная рама с чёрным ящиком.

Она показала экран Левченко.

— Если это тот велосипед, Сева уехал после девяти восемнадцати. Или на другом.

Майя увеличила снимок.

— Тот. На передней вилке белая лента.

Ратников не стал спорить.

— Я не говорил, что он уехал на рассвете.

— Где он был утром до девяти восемнадцати? — спросила капитан.

— Выполнял поручения.

— Какие?

— Убирал после праздника. Потом я послал его за фильтрами.

— До того как полиция закончила опрашивать работников?

— Я не знал, что ему запрещено уходить.

— Теперь знаете, что он нужен. Сообщите, если свяжется.

Левченко отправила сотрудника проверить дорогу к станции и вернулась к ведомости. Лидия почувствовала, как подозрение в комнате меняет форму. Утром оно висело на Кирилле, узнаваемое и простое: его трос, его узел, его подпись. Теперь от каждого предмета тянулись несколько линий. Но линии не освобождали Кирилла. Наоборот, одна из них вела в открытый эллинг, где он без свидетелей провёл часть ночи.

Они пошли туда по береговому настилу. Старый эллинг стоял за ивами, отделённый от жилых причалов полосой камыша. Его жестяная крыша просела посередине, ворота держались на новой цепи без замка. Возле порога в песке отпечатались широкие следы от тележки, поверх них — несколько подошв. После утренней суеты различить время было невозможно.

Левченко остановила всех за три метра.

— Внутри пока никто не входит. Кирилл, покажите с места, где лежала бухта.

Он указал на верстак у левой стены. Даже снаружи была видна серо-синяя спираль, придавленная гаечным ключом. Рядом на козлах стояла «Щука» — узкая алюминиевая лодка с тёмным мотором под старым брезентом. На корме блестел свежий металлический рым.

— Когда закончили работать вчера? — спросила Левченко.

— Не закончил. В два с чем-то убрал инструмент и ушёл.

Лидия повернулась к нему.

— В два с чем-то?

— Около двух двадцати.

— Я слышала мотор в две семь.

— Не здесь. Я двигатель не запускал.

— Ты сказал, что был в эллинге.

— Был. Мотор без охлаждения на козлах не заводят.

— Ты выходил?

— Один раз к умывальнику. Воды не было, пошёл к насосной.

— Во сколько?

— Не смотрел.

— Мог слышать три удара о понтон?

Кирилл прикрыл глаза, восстанавливая ночь.

— Слышал металл. Один раз. Решил, кто-то уронил лист в сарае.

— Раньше ты об этом не говорил.

— Раньше ты не спрашивала.

Левченко записала и это.

Специалист приехал на серой моторной лодке. Пока он фотографировал вход и верстак, все ждали на берегу. Семёныч ушёл на склад. Майя села на перевёрнутое ведро. Ратников говорил по телефону о фильтрах нарочито будничным тоном.

Лидия достала из сумки небольшой складной планшет и лист миллиметровой бумаги. Нарисовала эллинг, насосную, топливный плот, синий сектор и технический карман. Между

эллином и насосной шла береговая тропа. От насосной через камыш был виден не весь посёлок, а только фонари северного створа и крыши двух крайних домов.

— Отсюда до топливного плота сколько? — спросила она Майю.

— Пешком пять минут. По настилу быстрее, если не несёшь груз.

— До технического кармана?

— По берегу семь. По воде три.

— Если Кирилл вышел за водой около двух, он мог оказаться там во время ударов.

— Мог, — сказала Майя. — И мог пройти мимо, ничего не увидев. Камыш высокий.

Кирилл слышал, но не вмешивался.

— А Сева где ночевал? — спросила Лидия.

— В бытовке за диспетчерской.

— Кто-нибудь видел, как он вернулся после ротации?

Майя задумалась.

— Я видела свет у него около полуночи. Но это не значит, что он был внутри.

— Ты всё-таки передал ему буксир? — спросила Лидия Кирилла.

— Передал.

— Ключи?

— Ключ в замке на смене. Передал рукоять и сказал порядок домов.

— Кто стоял рядом?

— Никого.

— Опять.

— Я не собирал свидетелей, Лида.

— А потом подписал его рейс своим именем.

— Потому что обещал Павлу закрыть ротацию.

Ратников закончил разговор.

— Мне ты сказал, что сам всё сделаешь.

— А когда попросил уйти на час, ты сказал: лишь бы утром дома стояли по таблице.

— На час, не на всю ночь.

— Я вернулся в два двадцать. Буксир был на месте.

— И ты решил, что всё прошло нормально.

— Дома стояли нормально.

Лидия посмотрела на него.

— Дом Белова стоял не там, где умер Белов.

Тишина после этих слов получилась не полной: в эллинге щёлкала камера, над водой спорили чайки, под настилом булькнула воздушная пробка. Но никто не попытался закрыть её ответом.

Специалист вынес остаток бухты в отдельном пакете, затем измерил его вдоль настила. Двадцать два метра сорок сантиметров. Короткий носовой конец на «Щуке» оказался длиной шесть метров десять. С учётом оплавленных срезов и заводской длины не хватало примерно одиннадцати с половиной метров.

Трос с дома Белова был длиной девять метров восемьдесят сантиметров.

— Разница метр семьдесят, — сказала Левченко.

— Плюс обрезки, — ответил Кирилл. — Я оплавлял конец дважды. Первый раз распустился.

— Где обрезки?

Он указал на металлическое ведро под верстаком. Внутри лежали стружка, куски изоляции, два коротких серо-синих хвоста. Специалист собрал их, разложил рядом с линейкой. Вместе — около метра двадцати. Ещё полметра могла съесть неточная заводская длина, узлы и оплавление.

— Значит, найденный трос почти наверняка от этой бухты, — сказала Левченко.

— Я сразу сказал, что мой, — ответил Кирилл.

— Вы сказали это до измерений. Теперь у нас есть основание.

На верстаке обнаружили чистый прямоугольник среди алюминиевой пыли — там и лежал длинный конец. Через него проходила дуга, оставленная тяжёлым предметом. Рядом валялась оборванная бумажная лента от бухты. На внутренней стороне кто-то нарисовал шариковой ручкой последовательность узла: четыре петли и стрелку.

Лидия почувствовала, как Кирилл напрягся.

— Твоя? — спросила она.

— Нет.

— Майя?

Та покачала головой.

— Я так не рисую. И мне не нужна подсказка.

Ратников присел, не заходя за отмеченную границу.

— Сева мог упражняться.

— Мог, — сказал Кирилл. — Он всё фотографирует, а тут, значит, решил стать художником.

— Вы раньше видели рисунок? — спросила Левченко.

— Нет.

— Бумага лежала здесь с четверга?

— Я бросил её в ведро. Кто-то вытащил.

— Или вы сами.

— Или я сам, — согласился Кирилл. — Только тогда я очень старательно готовил улику против себя.

Лидия рассматривала схему с расстояния. В ней была ошибка: стрелка выводила ходовой конец снаружи, как сделала Майя в первой попытке. Потом поверх последней петли провели вторую стрелку — внутрь. Кто-то не просто срисовал узел, а исправил себя.

— Это мог сделать человек, который учился здесь, — сказала она. — С готовым тросом перед глазами.

— Или Кирилл объяснял Севе, — заметил Ратников.

— Когда? — спросила Левченко.

— Не знаю.

— Тогда это предположение.

Капитан велела упаковать бумажную ленту отдельно. В этот момент с берега крикнул сотрудник: Севу нашли у станции. Велосипед стоял у билетной кассы, но сам он не уехал. Сидел в закуской, телефон выключил, фильтров при нём не было.

Ратников снял кепку и провёл ладонью по волосам.

— Болван.

— Вы отправили его именно за фильтрами? — спросила Левченко.

— Да.

— Деньги дали?

— Он должен был взять по счёту.

— Письменное поручение?

— Нет.

— Почему он решил спрятаться, выясним у него.

Лидия закончила схему и поставила у эллинга три маленьких кружка. Первый — Кирилл, владелец троса и узла. Второй — Сева, ученик, получивший буксир без записи. Третий оставила пустым: любой, кто вошёл в незапертые ворота, увидел трос и подсказку.

— Пустой кружок удобен, — сказал Кирилл. — В него можно посадить весь посёлок.

— Нет. Только тех, кто знал про элинг, имел время и понимал, зачем брать именно новый трос.

— Зачем новый?

Лидия посмотрела на белую полосу на его ладони, потом на старую цепь у ворот.

— Старый оставляет следы использования. На нём водоросли, грязь, краска с привычных колец. Новый ещё ничему не принадлежит. Кроме тебя.

Кирилл медленно кивнул.

— Значит, брали не только чтобы тянуть. Брали, чтобы показал на меня.

— Или брали первое, что лежало под рукой, — сказала Левченко. — Пока обе версии остаются.

Ратников поднял кепку.

— Есть третья. Кирилл взял свой трос, сделал работу, потом вернулся сюда и продолжил ремонт. Никакого таинственного посетителя.

Кирилл шагнул к нему, но Лидия встала между ними.

— Тогда нужно понять, мог ли он физически успеть, — сказала она. — Не по характеру. По минутам.

Она развернула миллиметровку. Если Кирилл передал буксир около 22:50, дошёл до элинга, работал там, затем вышел к насосной около 02:07, у него было достаточно времени и для тайного маршрута, и для ремонта. Само алиби ничего не исключало. Но если он вернулся к элингу по воде, на «Щуке», свежий двигатель должен был работать, а лодка — оказаться мокрой.

— Лодку спускали? — спросила Левченко.

— Нет, — ответил Кирилл.

Специалист осмотрел днище. На пыли под килем не было разрывов, козлы стояли в старых вмятинах, свежий рым не нёс следов нагрузки. «Щука» ночью не сходила на воду. Кирилл мог пользоваться другой лодкой или идти пешком, но скрытый ремонт перестал быть удобным объяснением мотора, который слышала Лидия.

Сева появился после полудня в сопровождении сотрудника полиции. Ему было двадцать два, хотя из-за круглых щёк и слишком большой штормовки он казался подростком. Сначала он смотрел на всех вызывающе, потом увидел пакет с тросом и побледнел.

— Я дом не вязал, — сказал он прежде, чем его спросили.

Левченко предложила ему сесть на складной стул у ворот.

— Какой дом?

Сева открыл рот, закрыл.

— Белова.

— Почему решили, что речь о нём?

— Все про него говорят.

— Кирилл передал вам буксир вчера вечером?

Сева посмотрел на Ратникова.

— Передал.

— Во сколько?

— Без десяти одиннадцать.

Кирилл выдохнул так тихо, что услышала только Лидия.

— Что велел делать?

— По таблице. Сначала Нину от красного, потом два дома у зелёного, потом Белова к третьему.

— Вы выполнили?

— Нину и зелёные — да.

— А Белова?

Сева потёр колено ладонью.

— Когда подошёл к синему, там уже стоял другой трос. Новый. Петля готовая.

— На каком месте?

— На кормовом кольце.

— Кто её завязал?

— Не знаю.

— Что сделали вы?

— Зацепил конец за буксир и повёл.

— Каким маршрутом?

— Внешним.

— Грузовой понтон мешал?

— Его уже не было.

— Свет в доме горел?

— На кухне.

— Белова видели?

— Нет. Шторка закрыта.

— Почему в журнале оператором указан Кирилл?

— Он подписал до смены. Павел Сергеевич сказал не разводить исправления, если всё по плану.

Ратников шагнул вперёд.

— Я сказал не пачкать журнал после каждой передачи руля. Не приписывай мне своё разгильдяйство.

Сева съёжился, но продолжил:

— После дома я поставил буксир у топливного. Ключ оставил. Всё.

— Во сколько?

— Около полуночи.

— Дом по журналу закрепили в двадцать три тридцать четыре. Почему ещё полчаса?

— Возвращался медленно.

— От третьего причала до топливного плота шесть минут, — сказала Майя.

— Я мусор с винта снимал.

— Где?

— У камыша.

— Какой мусор?

— Пакет.

— Сохранили?

Сева взглянул на воду.

— Выкинул.

Левченко дала паузе растянуться.

— Теперь расскажите, почему утром поехали на станцию без фильтров и выключили телефон.

— Я за фильтрами ехал.

— Магазин в другой стороне.

— Хотел автобусом до рынка.

— Денег не взяли.

— Свои были.

— В закускойной вы сказали сотруднику, что боитесь Кирилла. Почему?

Кирилл вскинул голову.

Сева вжал подбородок в ворот штормовки.

— Потому что трос его. А буксир вёл я. Скажут, мы вместе.

— Вместе что?

— Дом переставили.

— Вы его и должны были переставить.

— Не так.

На этот раз молчание стало настоящим. Даже Ратников не двинулся.

— Как — не так? — спросила Левченко.

Сева посмотрел на него и быстро отвёл глаза.

— Когда я подошёл, дом стоял не прямо у синего. Чуть севернее, за линией. Я подумал, его оттянуло.

— На сколько?

— Метров на пятнадцать. Может, двадцать.

— При закреплённых носовых концах дом не отнесёт на двадцать метров, — сказала Майя.

— Носовой был на скобе, не затянут. Я снял, обошёл буй и повёл к третьему.

— Почему не сообщили?

— Потому что он всё равно шёл туда. И потому что Павел Сергеевич сказал не тормозить ротацию из-за каждой мелочи.

Ратников побледнел не сильнее Севы, но у него исчезла привычная неподвижность лица.

— Я говорил о рабочих отклонениях.

— Вы видели положение дома перед рейсом? — спросила Левченко.

— Нет.

— Кто подготовил трос и ослабил носовой конец?

— Не знаю.

— Сева, вы умеете вязать узел на корме?

— Кирилл показывал.

— Завяжите.

Майя подала ему белую верёвку. Сева обнёс её вокруг ручки шкафа быстро, без первой ошибки. Третий оборот сделал изнутри, хвост уложил вдоль коренного конца. Узел получился таким же плоским, как в пакете.

— Я не вязал тот, — повторил он. — Он уже был.

— Рисунок в эллинге ваш?

Сева взглянул на бумажную ленту и покраснел.

— Мой. В четверг. Кирилл показывал ещё раз.

— Ты заходил без меня? — спросил Кирилл.

— Ты был у кормы. Сказал взять бумагу и не путаться под ногами.

Кирилл нахмурился, вспоминая.

— Было. Я забыл.

— Значит, Сева знал о тросе, умел вязать узел и управлял буксиром, — сказала Левченко.

— Но утверждает, что получил дом уже подготовленным и смещённым к северу.

— И испугался только сегодня, — добавил Ратников.

— Я вчера не знал, что Белов умер! — Сева вскочил. — Я думал, опять что-то делают без журнала. Тут половина вещей сначала делается, потом записывается.

— Сядьте, — сказала капитан.

Он сел.

Лидия провела на своей схеме линию от синего буя на север. Отпечаток на обороте таблицы — стрелка, буква «Б», время с единицы — перестал быть безымянной возможностью. Сева независимо описал дом, уже стоявший на этой линии до официальной буксировки. Но его слова ещё требовали проверки, а страх давал ему причину переложить подготовку на неизвестного.

— Ты видел ржавчину на петле? — спросила она.

Сева заморгал.

— Какую?

— Когда брал трос. Узел был свежий, сухой?

— Мокрый. Всё мокрое было.

— Петля тугая?

— Очень. Я не развязывал.

— Значит, она уже побывала под нагрузкой до того, как ты повёл дом к третьему причалу.

Кирилл подошёл к пакету и посмотрел на прижатые волокна.

— Похоже. Один короткий рывок так не уложит. Этим тросом тянули раньше.

— Насколько раньше? — спросила Левченко.

— Не скажу. Час, день — по виду не определить. Но трос новый, а след кольца один.

— То есть им могли сделать незаписанное движение того же дома, затем оставить на корме для официальной буксировки, — сказала Лидия.

— Могли, — ответил Кирилл. — И узел вязал тот, кто готовил первое движение. Не обязательно Сева.

Левченко вернулась к нему:

— Где вы были между девятнадцатью сорока двумя и двадцатью ноль шестью, когда понтон находился у синего сектора и затем исчез?

— На празднике. У длинного стола.

— Непрерывно?

— Нет. Носил ящики, ходил к эллингу.

— Трос тогда ещё лежал на верстаке?

Кирилл замер.

— В семь лежал.

— А после восьми?

— Не проверял.

— Вы могли взять его, отвести дом севернее и вернуть к столу до того, как отсутствие заметили.

— Мог физически, — сказал он после долгой паузы. — Не делал.

— Сева тоже мог?

— Мог.

— Майя?

— Могла, если был свободен толкач.

— Павел Сергеевич?

Кирилл посмотрел на Ратникова.

— Он умеет водить лучше всех нас.

Ратников сложил руки на груди.

— И поэтому любая работа на воде теперь указывает на меня?

— Нет, — сказала Лидия. — Поэтому ни узел, ни умение водить не указывают только на Кирилла.

Она взяла три маленькие гайки с края верстака и расставила на миллиметровке. Кирилл — доступ к тросу, знание узла, свободные промежутки вечером и ночью. Сева — знание узла, фактическое управление буксиром, ложь об отклонении маршрута и попытка уехать. Ратников — доступ к людям и технике, знание узла, распоряжения без записи. Майя — знание таблицы, проходов и узла, подтверждённая встреча с Кириллом. Белов — собственный дом и возможность подготовить швартов сам.

— Это не список виновных, — сказала Лидия. — Это список тех, кого нельзя исключить по одному рисунку петли.

— А кого можно? — спросил Сева.

— Того, кто не знал про новый трос, не мог попасть в эллинг и не умел подготовить движение дома.

— То есть почти всех соседей.

— Почти — не всех.

Лидия посмотрела на чистый прямоугольник в алюминиевой пыли. Трос исчез с верстака, но вокруг не было следов спешного поиска. Кирилл не заметил пропажи, потому что не собирался ставить кормовой конец до ремонта рыма. Взявший знал это. Иначе пришлось бы опасаться, что хозяин обнаружит исчезновение в самый неудобный момент.

— Кто знал, что ты не закончишь корму вчера? — спросила она.

Кирилл ответил не сразу.

— Тот, кто видел трещину на старом рыме. Майя. Сева. Павел Сергеевич. Белов.

— Ты говорил, когда будешь варить новый?

— Утром после праздника. При людях. Белов сказал, что утром сам проверит крепление, прежде чем разрешить спуск.

Лидия переставила гайку Белова ближе к центру схемы. Погибший знал и о тросе, и об узле, и о времени, когда пропажу не заметят. Это не делало его виновным в собственной смерти. Но позволяло предположить, что трос снял он сам — для незаписанного перемещения своего дома или чужой операции, о которой собирался спорить.

— Если Белов взял трос, — сказала она, — человек, который потом переставлял дом, мог просто использовать уже завязанный конец. Тогда узел вообще не сообщает, кто был за рулём.

Кирилл провёл ладонью по лицу.

— А я молчал про «Щуку», будто хотел помочь тому, кто это придумал.

— Ты хотел помочь себе, — сказала Лидия. — Получилось наоборот.

Левченко попросила всех по очереди повторить время и действия, не слушая чужих версий. Ответы записали отдельно. Затем капитан забрала ведомость, рисунок узла и оба отрезка троса на исследование. Севе велела не покидать посёлок без уведомления. Кириллу — не входить в эллинг до окончания осмотра.

Когда остальные разошлись, он остался у ворот. «Щука» стояла внутри под брезентом, сразу постаревшая от официальных бирок.

— Её теперь заберут? — спросила Лидия.

— Может быть. Штраф точно будет. Двигатель придётся снять, если документы не примут.

— Стоило этого?

— Вчера мне казалось, что да. Я три года её собирал. Белов обещал закрыть глаза до конца лета, потом передумал. Сказал, правила общие.

— Он был прав?

— Был. И очень удобно выбирал день, когда быть правым.

Лидия сложила миллиметровку. Ей хотелось сказать, что всё исправится, но точность не позволяла.

— Почему ты ушёл к лодке именно во время ротации?

Кирилл долго смотрел на воду.

— Потому что Белов дал мне до утра. Я хотел закончить рым, спустить «Щуку» на расвете и поставить у дальнего камыша. Когда он пришёл бы проверять, в эллинге уже ничего не было бы.

— Но ты не закончил.

— Услышал мотор и понял, что Сева задержался. Потом металл. Пошёл к насосной, увидел свет северного фонаря и кого-то на настиле у технического кармана.

Лидия замерла.

— Кого?

— Не знаю. Спина, капюшон. Я решил, Павел проверяет створ. Не подходил.

— Почему не сказал Левченко?

— Потому что тогда пришлось бы объяснять, откуда смотрел и что делал. А теперь всё равно придётся.

— Во сколько?

— После двух. До двух десяти. Часы в эллинге спешат на четыре минуты, я заметил, когда выключал сварочник.

Три удара Лидия слышала в 02:07. Если часы Кирилла показывали 02:11, его воспоминание попадало в тот же промежуток.

— Иди за капитаном, — сказала она.

— Она только ушла.

— Поэтому догонишь.

— Лида...

— Сейчас. Не после того, как придумаешь, как это звучит.

Он кивнул и пошёл по настилу быстрым шагом.

Лидия осталась у эллинга. На её листе редкий узел больше не был подписью Кирилла. Он стал дверью, ключ от которой лежал у нескольких людей. Зато скрытый ремонт дал ночи новую точку наблюдения: между ударами о понтон и короткой работой мотора кто-то стоял у технического кармана.

Она перевернула миллиметровку и записала две строки.

«ВИДЕЛА: трос из бухты Кирилла; узел умеют вязать минимум четверо; Сева получил дом уже смещённым и с затянутой петлёй».

«ПРЕДПОЛОЖИЛА: трос взяли для первого, незаписанного движения; Белов мог знать о нём или сам подготовить швартов».

Под ними оставалось место для вопроса. Лидия написала:

«Кто был у технического кармана в 02:07 — и почему после его ухода дом пришлось двигать ещё раз?»

Глава 5. Пирог без свечей

К вечеру длинный стол на береговой площадке выглядел так, будто праздник не закончился, а просто отошёл ненадолго и забыл предупредить гостей. Под навесом висели выцветшие флажки. Между досками застряли семечки укропа, на перилах засохла капля вишневого сока, а в углу стояла корзина с чистыми банками, которую вчера никто не унёс. Только скатерти сняли, и голые столешницы с кругами от тарелок казались протоколом, написанным жиром, солью и горячими доньшками.

Левченко согласилась на реконструкцию при двух условиях: никто не будет изображать погибшего и никто не станет выдавать догадку за воспоминание. Она поставила у навеса молодого сотрудника с папкой, сама села сбоку, положив перед собой четыре отдельных листа — для Кирилла, Севы, Майи и Ратникова.

— Мы уже всех опрашивали, — напомнил Ратников. — Не понимаю, зачем сервировать стол второй раз.

— Потому что люди плохо помнят часы и хорошо помнят, кому не хватило пирога, — сказала Лидия.

— Особенно если пирог достался соседу, — добавила Нина Борисовна.

Она пришла с эмалированной миской, хотя Лидия просила ничего не готовить. В миске лежали деревянные прищепки с фамилиями. Нина объяснила, что вчера такими прищепками крепила карточки к спинкам складных стульев, чтобы гости не пересаживались и не перекрывали проход официантам, под которыми она понимала себя, Майю и всех, кого удавалось поймать за рукав.

— У нас не ресторан, — сказала она. — Но если тридцать два человека одновременно решают, что салат удобнее взять с другого конца, получается эвакуация без пожара.

Лидия высыпала прищепки на стол. На некоторых ещё держались бумажные полоски: «Белов», «Нина Б.», «Кирилл», «Лидия», «Майя». У Севы фамилия была написана карандашом поверх зачёркнутого «Гость», у Ратникова — синим маркером и без отчества.

— Почему места подписывали? — спросила Левченко.

— Аркадий настоял, — ответила Нина. — Хотел после горячего сказать речь. Просил посадить правление рядом, работников напротив, старожилы ближе к краю. Чтобы все, кого касается вопрос, слышали.

— Какого вопроса?

Нина поставила миску на стол слишком резко.

— Вот это мы и хотели узнать.

К девятнадцати часам подтянулись остальные. Не все тридцать два: капитан выбрала тех, чьи перемещения могли быть подтверждены подачей блюд или чужими поручениями. Пришла Тамара Гущина с аптекарской дачи, сухая, прямая и неизменно недовольная чужими определениями лекарственных растений. Пришёл Семёныч со склада, в праздничной рубашке, которую надел второй день подряд, потому что вчера не успел испачкать. Пришла семья Суховых с двумя детьми; дети помнили еду лучше взрослых и немедленно сообщили, что лимонад был тёплый, огурцы горькие, а обещанных свечей на пироге не было.

Лидия положила на край стола миллиметровку. Нарисовала прямоугольник навеса, проход к кухонному домику, лестницу к воде и настил, ведущий к синему сектору. Рядом написала: «Не время по часам, а порядок действий».

— Начнём с того, что нельзя перепутать, — сказала она. — Что подали первым?

— Уху, — ответил Семёныч.

— Бутерброды, — одновременно сказала Тамара.

— Компот, — сказал младший Сухов.

Нина закрыла глаза.

— Бутерброды стояли на столе. Уха была первым горячим. Компот ты выпил до начала, потому что залез в холодильник.

— Значит, я первый, — удовлетворённо заключил мальчик.

Левченко позволила улыбке появиться и исчезнуть. Лидия записала три разных начала. Так было честнее: праздник начинался не в одну минуту. Для детей — с открытого холодильника, для тех, кто готовил, — с последней кастрюли, для Белова, вероятно, — с момента, когда все оказались на местах.

На пустой стол поставили перевёрнутые тарелки вместо блюд. Большая синяя изображала уху, овальная — пироги с рыбой, две мелкие — салаты. Семёныч принёс со склада ящик пустых бутылок лимонада и расставил по словам детей. Нина прикрепляла прищепки к стульям.

Белов сидел в середине длинной стороны лицом к воде. Справа от него — Нина, потом Лидия и Кирилл. Слева — Тамара, представитель берегового кооператива Алексей Михайлович, затем пустой стул для опоздавшего Ратникова. Напротив Белова сидели Майя и Сева; между ними оставили место для большой миски. Ратников сперва возразил, что сидел не там, но Нина показала прищепку и круг от металлической кружки на вчерашней фотографии.

— Вы пришли после ухи, — сказала она. — Я ещё подвинула вам скамью, потому что ваш стул занял Пашка Сухов.

— Мне позвонили с грузового понтона.

— Кто? — спросила Левченко.

— Сева. Или бригадир с берега. Нужно смотреть телефон.

Сева сидел на самом краю скамьи, хотя сегодня места хватало. После утреннего допроса он стал отвечать быстрее, но перед каждым ответом смотрел на Ратникова, будто проверял, разрешено ли ему помнить.

— Я не звонил, — сказал он. — Вы сами велели вывести понтон от хозяйственного мостка. По рации.

— В какое время?

— До праздника.

— Это не время, — заметила Левченко.

— Когда уху разливали. Я был у толкача и слышал, как Нина Борисовна ударила половником о кастрюлю.

Нина возмутилась:

— Я не ударяла. Крышка упала.

— Вот. Она упала, а Павел Сергеевич сказал убрать понтон от хозяйственного мостка к синему сектору, чтобы освободить разгрузку.

Майя подняла голову.

— К синему сектору вы не говорили.

— Я сказал: поставить временно, где не мешает.

— Для Севы это и был синий сектор. Там свободный карман.

— Не был свободный. Там стоял дом Белова.

— Между домом и внешней линией хватало места для понтона, если прижаться отбивкой.

Лидия поставила на схему коробок спичек — понтон — рядом с белой прищепкой Белова. Фотография подтверждала, что к 19:42 он оказался там. Спор сообщал не кто виноват, а почему ошибка могла показаться обычной работой: распоряжение было неточным, исполнитель выбрал ближайшее свободное место, начальник заметил последствия позже.

— Когда Сева вернулся к столу? — спросила она.

— До пирогов, — сказала Нина.

— После рыбного, — возразил старший мальчик.

— Рыбный и есть пирог.

— Нет, рыбное — это котлеты. Пирог был после.

Подачу пришлось восстановить по посуде. Уху разливали в глубокие миски из кухонного домика. Затем принесли щучьи котлеты на двух чугунных сковородах, поэтому Нина и Майя надели разные прихватки: красную и клетчатую. После котлет стол освободили для трёх пирогов — рыбного, капустного и вишнёвого. Большой праздничный пирог с фигурками домиков должны были вынести последним, перед речью Белова.

Суховы нашли в телефоне снимок: 19:28. На переднем плане младший ребёнок показывал язык, за ним Белов стоял у своего места и поправлял стопку бумаг под пустой хлебной корзиной. Ратникова за столом ещё не было. Майя несла красную прихватку в сторону кухни. Сева отсутствовал.

Следующий снимок Тамары был сделан в 19:36. На нём Сева уже сидел напротив Белова и ел котлету, Майя стояла у дальнего конца стола с клетчатой прихваткой, а Ратников наклонился к председателю. Белая папка Белова лежала под корзиной; из-под плетёного края выступал угол листа с крупным заголовком.

— Можно увеличить? — спросила Лидия.

Тамара передала телефон Левченко. На экране распались буквы, но первое слово читалось: «БЕРЕГОВОЙ». Ниже виднелась широкая строка с буквами «СЕРВ...».

По навесу прошёл тихий гул. Люди не открыли новую тайну — они узнали форму собственного слуха.

— Я говорила, сервитут, — сказала Нина. — Он собирался продать проход.

— Сервитут не продают как лодку, — отрезал Алексей Михайлович. — Это право ограниченного пользования.

— Ограниченного — главное слово.

— Для кого ограниченного?

— Для нас, разумеется. Инвестору берег, нам калитку по расписанию.

Ратников потёр переносицу.

— Вы опять сочиняете содержание по двум словам.

— А вы его знаете? — спросила Тамара.

— Я видел проект.

Все заговорили разом. Левченко подняла ладонь, и голоса стихли не сразу, а слоями. Последней замолчала Нина.

— Когда видели? — спросила капитан.

— Днём. Белов просил проверить, не перекрывает ли береговой проезд подъезд к насосной.

— Где проект сейчас?

— Должен быть в его бумагах.

— Среди изъятого его нет, — сказала Левченко.

Ратников посмотрел на папку перед ней.

— Значит, в доме или в диспетчерской.

— В доме осмотрели. В диспетчерской вы утром сказали, что впервые слышите о подготовленной речи.

— О речи — впервые. О сервитуте знал. Это разные вещи.

Лидия передвинула прищепку Ратникова к месту Белова на 19:36. Не как обвинение, а как подтверждённое положение. Он пришёл, наклонился к председателю, увидел или мог увидеть папку. Между ними шёл разговор, который на фотографии выглядел спокойным. Белов держал ладонь на корзине, Ратников указывал в сторону берега.

— О чём вы говорили? — спросила она.

— Я сказал, что понтон стоит плохо и его нужно увести. Белов ответил, что пусть пока постоит: дети на него не полезут, если видят взрослые.

— И о бумагах?

— Он сказал, что объявит после пирога. Я попросил не объявлять, пока формулировки не согласованы.

— Почему?

— Потому что здесь достаточно произнести «берег» и «ограничение» в одном предложении, чтобы к утру кто-нибудь нарисовал шлагбаум.

Нина кашлянула так выразительно, что младший Сухов оглянулся в поисках настоящего шлагбаума.

— Белов согласился? — спросила Левченко.

— Сказал: тем более нужно объяснить всем сразу.

Реконструкция двинулась дальше. В 19:40 Нина вынесла рыбный пирог. Время нашлось не в её памяти, а в сообщении дочери: «Рыбный готов, не жди», отправленном в 19:39, когда Нина сняла форму с печи. От кухонного домика до стола было меньше минуты. Пирог поставили напротив Майи; она разрежала его коротким ножом с синей рукоятью.

В 19:42 Тамара сфотографировала эту первую нарезку. Именно в отражении за её плечом Лидия раньше увидела грузовой понтон у синего буя. Теперь кадр сообщил больше. Кирилл сидел справа от Лидии, подняв кружку. Сева стоял за своей скамьей и тянулся к дальнему блюду. Майя держала нож. Ратникова на месте не было. Его кружка осталась у тарелки, а стул был отодвинут к проходу.

— Где вы были? — спросила Левченко.

— У воды. Увидел понтон и пошёл велеть Севе убрать.

— Но Сева на фотографии у стола.

— Значит, пошёл к рации.

— Рация была у вас на поясе, — сказала Майя.

На фотографии действительно виднелся чёрный зажим рации на спинке его стула — прибор он оставил рядом с тарелкой.

Ратников помолчал.

— Тогда в диспетчерскую. Там стационарная.

— Зачем стационарная, если можно было сказать Севе в пяти шагах?

— Не помню.

Это было первое простое «не помню», произнесённое им за два дня. Оно прозвучало убедительнее многих подробных объяснений.

Лидия посмотрела на путь от навеса к диспетчерской. Он шёл вдоль воды, затем раздваивался: направо — крыльцо, налево — узкий настил к синему сектору. Человек мог дойти до понтона, осмотреть его, вернуться за Севой или связаться с ним. Но Сева в 19:42 был за столом.

— Кто убрал понтон? — спросила она.

Сева поднял руку, как школьник.

— Я. Павел Сергеевич вернулся и сказал, что поставил его какой-то слепой. Я пошёл после рыбного пирога.

— Один?

— На толкаче один. Майя помогла отдать конец.

Майя покачала головой.

— Я не могла после рыбного. Я резала капустный.

— Ты подошла позже.

— К чему?

— К синему сектору. Отвязала кормовой отбойный конец понтона.

— Я отвязывала не понтон. Я подбирала упавший флажок у лестницы.

Нина нашла в своём телефоне фотографию капустного пирога. 19:51. Майя сидела за столом, нож лежал на блюде. Кирилл рядом с Лидией не было. Ратников стоял у дальнего конца навеса, разговаривая с Алексеем Михайловичем. Сева отсутствовал.

— Кирилл? — спросила Левченко.

— Ходил в кухню за солью, — ответил он.

— Соль была у меня, — сказала Нина.

— Тогда за горчицей.

— Горчица стояла перед тобой.

Кирилл посмотрел на стол, словно банки могли вернуться на круги от донышек.

— Белов попросил принести из его дома коробку с флажками. Сказал, что после речи отметим новые границы на береговом плане.

Левченко перелистнула запись утреннего опроса.

— Раньше вы говорили, что весь ужин были за столом, кроме выхода к эллингу после десяти.

— Я забыл. Не хотел лезть в его дом после того, что случилось.

— Вы вошли?

— Нет. Дошёл до синего сектора, увидел, что дверь закрыта. Белов не дал ключ. Вернулся спросить.

— И сколько это заняло?

— Пять минут.

— Что вы видели у понтона?

— Севу на толкаче. Понтон уже отходил. Майя была у лестницы.

Майя медленно положила прищепку на стол.

— Я была у лестницы. Подняла флажок и придержала конец, который цеплялся за поручень. Я думала, это страховочный понтон.

— Был серо-синий? — спросила Лидия.

— Нет. Старый чёрный, с зелёной прядью. Серо-синего я не видела.

— Во сколько?

— Между пирогами. После того как разрешила капустный и перед тем, как Нина вынесла вишнёвый.

Нина вынесла вишнёвый в 19:58. Время сохранилось в коротком видео: дети скандировали «ви-шня», камера качнулась к воде, и на заднем плане Сева вёл толкач с грузовым понтоном по направлению к хозяйственному сектору. На экране телефона горело 19:58. У лестницы стояла Майя с поднятой рукой. Кирилл возвращался со стороны синего сектора. Ратникова в кадре не было.

— Вот ваше окно, — сказала Лидия.

Она провела на миллиметровке вертикальную черту.

В 19:42 понтон ещё находился рядом с домом Белова. Кирилл и Сева были у стола, Майя резала пирог, Ратников отсутствовал. К 19:51 Сева уже ушёл к толкачу, Майя ещё сидела, Кирилл отсутствовал, Ратников разговаривал под навесом. В 19:58 понтон отходил, Майя была у лестницы, Кирилл возвращался. В 20:06 отражение на снимке дверной ручки показывало пустую воду.

— Это подтверждает только уборку понтона, — сказал Ратников.

— И ваши перемещения, — ответила Левченко. — Между девятнадцатью тридцатью шестью и сорока двумя вы ушли от стола. К девятнадцати пятидесяти одной вернулись. Потом снова отсутствовали в девятнадцать пятьдесят восемь.

— Я работал. Праздник не отменяет воду.

— А где были второй раз?

— В диспетчерской. Белов потребовал береговую схему к речи.

— Принесли?

— Нет. Я сказал, что не дам неподписанный рабочий лист на общий стол.

Алексей Михайлович постучал ногтем по своей прищепке.

— Вы со мной говорили как раз о схеме. Сказали, что Аркадий опять хочет устроить голосование без повестки.

— Вот и подтверждение.

— Подтверждение разговора, а не того, где вы были до него.

Ратников посмотрел на него с обидой человека, обнаружившего, что давний союзник выбрал грамматику вместо верности.

Лидия не стала заполнять пустоту версией. Она отметила: «Ратников — отсутствует на 19:42; виден у стола на 19:51; отсутствует на 19:58». Рядом: «Объяснение — понтон, рация, диспетчерская; порядок менялся в рассказе».

С Кириллом было иначе. Его отсутствие в 19:51 и возвращение в 19:58 укладывались в поход к дому Белова. Он видел Севу и Майю у понтона, то есть независимо связывал их с уборкой. Но дверь дома, по его словам, была закрыта. Если он говорил правду, флажки не приносил никто.

— Где тогда коробка? — спросила Лидия.

— У меня, — сказала Нина.

Все повернулись к ней.

— Аркадий утром занёс. Сказал поставить после большого пирога. Я забыла, потому что свечи не привезли.

— Какие свечи? — спросила Левченко.

— Двадцать пять штук. Посёлку двадцать пять лет. В коробке с заказом пришли только держатели, а свечей нет. Я позвонила продавцу, ругалась. Большой пирог остывал в кухне, речь откладывалась.

— Поэтому пирог не вынесли? — спросила Лидия.

— Сначала поэтому. Потом Аркадий с кем-то поспорил и ушёл.

— С кем?

Нина сжала губы.

— Не видела. Я была в кухне.

Праздничный пирог вынесли теперь. Не вчерашний — его разделили утром, чтобы не пропал, — а пустую круглую форму. На дне остались царапины от ножа. Нина поставила её перед местом Белова. Именно этот момент должен был стать границей вечера: до него ели и вспоминали прошлое, после него председатель собирался говорить о будущем. Свечей не оказалось, пирог задержали, граница сдвинулась. Люди вставали, менялись местами, выполняли поручения, а листы под хлебной корзиной оставались без присмотра.

— Бумаги были здесь в 19:36, — сказала Лидия. — Когда их видели в последний раз?

Тамара вспомнила, что Белов вынул один лист после вишнёвого пирога. Семёныч считал, что раньше. Алексей Михайлович утверждал: председатель постучал по папке и сказал «ещё десять минут». Дети помнили только, что взрослые не разрешили начать большой пирог без свечей.

Нина нашла сообщение продавцу в 20:03: фотография пустого пакета и подпись «ДЕРЖАТЕЛИ ЕСТЬ. СВЕЧЕЙ НЕТ». На снимке, сделанном в кухонном домике, через открытое окно был виден дальний край стола. Белов стоял. Рядом с ним — Ратников. Между ними лежала белая папка.

— Значит, вы вернулись, — сказала Левченко.

— Я этого не отрицал.

— В девятнадцать пятьдесят восемь вас не было в видео. В двадцать ноль три вы у стола. Пять минут.

— От диспетчерской меньше двух.

На снимке Белов держал лист не как речь, а как карту: горизонтально, обеими руками. Ратников касался пальцем нижнего угла. Их лица были напряжены, однако никто не повышал голос. За Беловым стояла Майя, только что вернувшаяся от воды. Кирилл уже сидел. Сева ещё не вернулся.

— Что было на листе? — спросила Лидия.

— Береговой план, — ответил Ратников.

— Тот, который вы отказались приносить?

Он посмотрел на фотографию и признал:

— Другой экземпляр. Белов подготовил свой.

— Где он теперь?

— Не знаю.

— Что он хотел объявить?

— Что у посёлка может появиться юридически закреплённый проход к берегу.

Нина фыркнула.

— А говорил, что инвестор требует полосу.

— Инвестор требовал доступ для техники. Белов хотел оформить встречное право для посёлка. На бумаге эти линии шли рядом. Если показать план без объяснений, можно решить что угодно.

— Вы были за или против? — спросила Левченко.

— Против объявления. Не против права прохода.

— Потому что формулировки не согласованы?

— Потому что люди слышали бы слово «инвестор» и больше ничего.

— Как сейчас, — сказала Тамара.

— Как всегда.

В этих словах было слишком много усталости для удобного злодея. Ратников мог скрывать сделку, защищать инвестора, защищать посёлок или прежде всего собственную власть над причалами. Одно не исключало другого. Лидия записала ровно то, что подтверждал снимок: в 20:03 он и Белов вместе рассматривали береговой план; подготовленное объявление касалось сервитута; точное содержание утраченного листа неизвестно.

— Что произошло потом? — спросила она.

Майя переставила свою прищепку ближе к месту Белова.

— Я сказала, что северный створ нельзя включать в обещания до новых замеров. После разгрузки домики сели иначе. Белов ответил, что речь о берегу, не о воде. Павел Сергеевич сказал: берег без подхода с воды никому не нужен.

— Вы спорили?

— Рабочий спор. Я показала в планшете таблицу. Белов взял его, пролистал и спросил, почему его дом утром отмечен на пять сантиметров тяжелее. Я сказала, что вечерний замер другой. Тогда он попросил принести бумажный лист.

— Вы принесли?

— Пошла в диспетчерскую. В 20:06 сфотографировала дверную ручку — она заедала, я хотела отправить Семёнычу, чтобы не забыл смазать. Отражение попало случайно.

Вот откуда взялся второй снимок. В 20:06 Майя находилась у диспетчерской, не у синего сектора. Понтон уже увели. Кирилл был за столом. Ратников и Белов оставались рядом с планом. Сева возвращал толкач к техническому карману.

— Вы вошли в диспетчерскую? — спросила Левченко.

— Да. Взяла таблицу из нижнего ящика. Павла Сергеевича там не было.

— Сколько были внутри?

— Минуты три. Когда вернулась, Белов уже уходил к дому.

— Один?

— Один. Папка была у него под рукой. Он сказал, речь позже, сначала хочет сверить цифры.

— В какую сторону пошёл Ратников?

— К кухне. Нина позвала его помочь с баллоном.

Нина кивнула.

— Редуктор заело. Он возился, пока не пришёл Семёныч.

— Это после 20:06? — уточнила Лидия.

— Да. Сообщение про свечи уже отправила.

Лидия поставила последние прищепки. Окно закрылось не идеально, но плотнее, чем утром.

В 19:42 Кирилл, Сева и Майя были у стола; Ратников отсутствовал и, вероятно, проверял понтон или ходил к диспетчерской. Между 19:51 и 19:58 Сева вывел понтон, Майя на короткое время помогла с зацепившимся концом, Кирилл дошёл до дома Белова и вернулся, не войдя. В 20:03 Белов и Ратников рассматривали береговой план, Майя стояла рядом. В 20:06 Майя снимала дверь диспетчерской, Кирилл был под навесом, Сева завершал работу с толкачом; Ратников, по свидетельству Нины, вскоре оказался у кухни.

Никто из четверых не мог незаметно переставить дом Белова в эти двадцать четыре минуты. Понтон закрывал внешний подход до 19:58, а после его ухода вокруг синего сектора оставалось слишком много свидетелей. Но вечер сообщил другое: Белов сам ушёл к дому с папкой и таблицей, имея причину проверить осадку и береговую схему. Первое незаписанное движение могло произойти позже и начаться по его воле.

— Значит, мы зря считали объявление угрозой? — спросила Нина.

— Мы пока не знаем, чем оно было, — ответила Лидия. — Есть фотография заголовка и слова тех, кто видел разные версии. Нет самого листа.

— Аркадий собирался отдать берег инвестору.

— Или закрепить проход за посёлком.

— Ратников так сказал.

— Поэтому это его объяснение, а не установленный факт.

Ратников кивнул с неожиданной благодарностью. Ему, вероятно, давно не случалось слышать, чтобы сомнение работало и в его пользу.

Большой пирог так и остался формой в центре стола. Младший Сухов спросил, можно ли хотя бы сегодня поставить свечи. Нина сказала, что нельзя отмечать день рождения дважды, но принесла из кухонного домика остаток вишнёвого пирога и разделила на всех. Куски вышли неровными. Тамара получила слишком большой и молча отрезала половину Севе. Семёныч налил чай в металлические кружки. Несколько минут люди ели, не обсуждая смерть, инвестора и журнал.

Лидия поняла, почему Белов выбрал праздник для речи. Не только потому, что все были в сборе. За этим столом любой проект переставал быть линиями на плане и становился спором людей, которые делили пирог, лестницу, насос и право пройти к воде. Здесь труднее было продать берег втайне. Здесь же труднее было объяснить непопулярное решение без крика.

Левченко собрала фотографии и попросила прислать оригиналы. Затем отдельно вызвала Ратникова и Майю для уточнения документов. Остальным разрешила разойтись.

Сева задержался у лестницы. Он вертел в руках деревянную прищепку со своей фамилией.

— Я не соврал про понтон, — сказал он Лидии. — Просто сначала не подумал, что это важно.

— Ты соврал про задержку ночью.

— Про ночь — да.

— Что было с винтом?

— Я же сказал: мусор.

— Какой?

Он нахмурился.

— Пакет. Верёвка. Не помню.

— Тогда почему записал полчаса?

— Павел Сергеевич сказал округлить. Работа закончилась поздно, всем хотелось спать.

— Он был с тобой?

— Принимал дом у третьего. Потом ушёл.

Сева сунул прищепку в миску и пошёл к техническому карману. Там у деревянного столбика стоял малый толкач. После вчерашней работы его не мыли: вдоль борта засохла полоса водорослей, на защитной решётке винта висела нитка чёрной тины.

Лидия не пошла за ним. Самовольный осмотр оставался самовольным, даже если предмет находился в двух шагах. Она позвала Левченко и указала на решётку.

— Сева говорит, задержался из-за мусора на винте. Можно проверить, что там было?

Капитан подошла вместе с сотрудником. Сева остановился.

— Я всё снял ночью, — сказал он.

— Куда выбросили? — спросила Левченко.

— В бак у насосной.

— Как выглядело?

— Чёрная верёвка. Или лента. Намоталась на вал.

— Только что вы сказали пакет, — напомнила Лидия.

— Пакет тоже был.

Левченко велела ему не касаться толкача. Молодой сотрудник сфотографировал решётку. На нижнем зубце, под слоем высохшей тины, блеснуло что-то светлое. Сначала Лидия решила, что это леска. Сотрудник надел перчатки, осторожно подцепил пинцетом и вытянул узкую полоску прозрачного пластика длиной с ладонь.

На ней повторялись синие поперечные штрихи и маленькие чёрные числа.

Майя, вернувшаяся от стола, остановилась так резко, что папка ударила её по колену.

— Это не пакет, — сказала она. — Это защитная лента с мерной рейки.

— С какой? — спросила Левченко.

— С переносной рейки осадки. Мы клеим прозрачную шкалу поверх краски, чтобы деления не смывались. Вчера одна рейка пропала из диспетчерской.

Сева побледнел.

— Я не знал.

— Когда она могла попасть на винт? — спросила Лидия.

Майя посмотрела на штрихи, не прикасаясь.

— Если шкалу сорвало с рейки в воде, когда толкач работал рядом. Или если кто-то выбросил её уже снятой. Но эта лента не плавала бы далеко: она липкая, цепляется за траву и дерево.

— Ночью я был у дома Белова, — сказал Сева. — Там и намотало.

— На официальном маршруте от синего сектора к третьему причалу нет переносной рейки, — ответила Майя. — Мы ставим её у северного створа, когда проверяем проход.

Тёплый запах вишневого пирога ещё держался под навесом. За ним вода казалась особенно холодной.

Лидия посмотрела на свою схему вечера. Двадцать четыре минуты не дали виновного, зато лишили четверых удобной возможности тайком двигать дом во время ужина. Объявление Белова оказалось не готовым мотивом, а утраченной развилкой: продажа, защита прохода или сделка, в которой обе стороны называли одну полосу берега разными словами.

Но кусок шкалы был вещью, не слухом. Он связывал ночную задержку толкача не с безмянным мусором, а с местом, где измеряли северный проход. Если лента попала на винт во время официального рейса, значит, официальный рейс шёл не только официальным маршрутом. Если раньше — Сева использовал толкач у северного створа ещё до того, как принял дом для записи в журнал.

Лидия открыла блокнот.

«ВИДЕЛА: в 19:42 понтон у синего сектора; к 19:58 Сева вывел его при краткой помощи Майи; в 20:03 Белов и Ратников держали береговой план; в 20:06 Майя была в диспетчерской. Белов ушёл к дому с папкой и таблицей осадки».

Ниже она написала:

«ПРОВЕРИТЬ: прозрачная шкала с переносной рейки северного створа застряла в решётке толкача. Когда рейка исчезла и мог ли толкач получить ленту на официальном внешнем маршруте?»

Большой пирог вчера остался без свечей и не разделил вечер на «до» и «после». Зато маленький кусок пластика разделил две версии ночи гораздо точнее.

Глава 6. Модель не врёт

Утром Лидия поставила макет на четыре одинаковых ящика из-под минералки и впервые увидела, что поддон покачивается.

В мастерской он всегда лежал на массивном столе. В доме Нины — на широкой тумбе, подложенный двумя журналами. На береговой площадке один ящик оказался ниже остальных, и при каждом прикосновении миниатюрная Тихая Заводь едва заметно кланялась северу. Белые домики оставались на местах, но отражённый в лаке свет двигался, отчего вода казалась живой.

— Символично, — сказала Нина, принеся чайник.

— Неровно, — ответила Лидия.

Она вырезала из картона прокладку и подложила под ящик. Поддон перестал качаться. На настоящей воде исправить горизонт куском упаковки было нельзя, и всё же привычка помогла: сначала убрать случайную погрешность, потом смотреть на остальное.

Левченко разрешила перенести макет под навес после того, как сотрудник сфотографировал его со всех сторон. Капитан отдельно предупредила: сегодня Лидия показывает только устройство модели и происхождение деталей. Никаких новых опытов с вещественными следами без согласования.

На столе рядом лежали распечатки вчерашних фотографий, копия таблицы осадки и снимок прозрачной полосы, снятой с решётки толкача. Саму ленту упаковали. Майя принесла из диспетчерской две целые переносные рейки и одну деревянную основу без шкалы.

— Вот пропавшая? — спросила Лидия.

— Основа — да. Нашли за шкафом с жилетами. Шкалы нет.

— Если рейка была за шкафом, как лента попала в воду?

— Основа могла вернуться отдельно. Шкала отслаивается полосой, если край поддеть. Но сама она туда не заползла.

Майя положила рядом целую рейку. Это была узкая алюминиевая планка длиной около метра, покрытая белой эмалью. Прозрачная плёнка с синими штрихами защищала деления. Каждые пять сантиметров стояло чёрное число; край шкалы загибался на обратную сторону.

Лидия сравнила фотографию найденного обрывка. На нём читались части чисел: нижняя дуга двойки, затем ноль, выше — четыре коротких деления.

— Отрезок возле двадцати? — спросила она.

— Или возле сорока двух, если лента развернулась, — сказала Майя. — Нужен оригинал и совпадение разрыва. Но рейки у нас изготовлены из одной партии. Шкалы одинаковые.

— Значит, по рисунку нельзя установить именно эту рейку.

— По рисунку — нет. На обороте мы подписываем сектор маркером. Если сохранился след, лаборатория увидит.

Нина наклонилась над макетом.

— А ваш маленький посёлок что увидит?

— То, что я в него вложила, — сказала Лидия.

Она услышала собственную осторожность. Ещё вчера ей хотелось ответить иначе: модель не забывает, модель хранит положение вещей, модель точнее людей. Именно такими словами заказчики объясняли, почему платят ей за миниатюры. Но любой макет начинался с решений мастера: какой час считать главным, что убрать ради читаемости, какой зазор увеличить, чтобы зритель заметил лестницу.

Лидия сняла прозрачный колпак.

Белый дом Белова стоял на чистом прямоугольнике, оставшемся после того, как Ратников передвинул его днём. Остальные дома сохраняли позиции, выбранные Лидией до приезда.

Между первым причалом и берегом тянулась полоса лака, изображавшая воду. На северном краю были камыши из крашеной щетины, за ними — тонкая рамка створа.

Майя сразу заметила красный домик семьи Суховых.

— Он у вас не там.

— Сейчас или вчера вечером?

— Ни сейчас, ни вчера. Он с понедельника у второго зелёного буя, рядом с аптекарской дачей.

Нина прищурилась.

— Точно. Дети через наш настил бегали, потому что так короче.

— На фотографиях Белова он где? — спросила Левченко.

Лидия уже знала ответ, прежде чем открыла папку. В архиве заказчика красная крыша несколько раз появлялась возле второго зелёного буя. На макете дом стоял у дальнего конца первого причала, где между жёлтой баней и плавучей клумбой оставался красивый просвет.

— Я его переставила, — сказала она.

Никто не ответил. Тишина была не обвиняющей — хуже, она ждала объяснения.

— Когда собирала композицию. Красная крыша рядом с аптекарской дачей сливалась с её навесом. У первого причала она уравнивала белый дом Белова. Я собиралась уточнить позиции после праздника.

— Вы вчера говорили, что модель сохраняет расстановку, — сказала Майя.

— Говорила.

— И по ней мы обсуждали, где что стояло.

— Да.

Лидия не добавила «но». После «да» должно было остаться место для последствий.

Левченко раскрыла блокнот.

— Какие ещё элементы вы изменили ради композиции?

— Увеличила проходы между тремя домами примерно на два миллиметра. В масштабе это около метра. Сдвинула плавучую клумбу от лестницы, чтобы была видна. Убрала две хозяйственные бочки. Северный створ повернула на три градуса к зрителю, иначе его закрывали камыши.

— Положение дома Белова меняли до того, как его передвинул Ратников?

— Нет. Его ставила по фотографиям и замерам. Потом Ратников без спроса перенёс на макете к третьему причалу, и остался чистый след.

— Почему ему вы уверены, а красному дому нет?

— Потому что дом Белова был центральным объектом заказа. Я проверяла расстояния от трёх неподвижных точек. Красный дом был фоном.

— Для вас, — сказала Нина.

— Для макета, — поправила Лидия и сразу поняла, что поправка ничего не улучшила.

Суховы подошли позже и долго смотрели на свой домик. Младший ребёнок не обиделся. Он спросил, можно ли поставить крышу туда, где она выглядит красивее. Его отец ответил раньше Лидии:

— Если это игрушка — можно. Если по ней решают, кто куда плавал, нельзя.

Лидия достала тонкий пинцет, но не прикоснулась к домику.

— Пока оставим ошибку на месте. Сначала зафиксируем.

Сотрудник сфотографировал красный дом и его неверное окружение. Лидия написала на отдельной карточке: «Авторское композиционное перемещение; не использовать как свидетельство фактической позиции». Карточку положили возле поддона.

Слово «авторское» неприятно напоминало право на выдумку. В мастерской оно звучало как достоинство. Здесь — как источник погрешности.

— Значит, модель врёт, — сказал Сева.

Он стоял у края навеса, не решаясь подойти ближе.

— Нет, — ответила Лидия. — Врала я, когда назвала её полной записью. Модель показывает мои измерения вместе с моими решениями. Нужно разделить одно от другого.

— Удобно.

— Не очень.

Левченко предложила составить ведомость происхождения каждого значимого положения. Майя провела на большом листе четыре колонки: объект, источник, изменение мастера, независимое подтверждение.

Дом Белова: три фотографии, два расстояния по настилу, замер Лидии; композиционного изменения нет; положение у синего буя подтверждается снимком 19:42.

Красный дом Суховых: две фотографии; перемещён Лидией; фактическое место подтверждается жителями и вечерними кадрами.

Грузовой понтон: в макете отсутствует, потому что не входил в заказ; положение у синего сектора подтверждается отражением 19:42, отсутствие к 20:06 — вторым отражением.

Северный створ: положение взято с берегового плана; повернут Лидией на три градуса для видимости; настоящая ось должна восстанавливаться по двум фонарям и стационарным меткам, а не по миниатюре.

— Вот это важно, — сказала Майя. — Вы повернули створ целиком или только рамку?

— Рамку и линию прохода. Камыши оставила по фотографии.

— Тогда расстояние от линии до камышовой косы на макете неверное.

— На три градуса.

— В масштабе у дальнего края это почти ширина дома.

Лидия посмотрела на тонкую синюю линию, проведённую под лаком. Повернуть её обратно было нельзя без повреждения воды. Но можно было построить истинную ось поверх макета временной нитью.

Майя принесла две булавки. Левченко разрешила закрепить их только в рамке поддона, не в элементах модели. Между булавками натянули белую нить по направлению настоящих створных фонарей. Она пересекла синюю декоративную линию и прошла ближе к камышам.

— Здесь переносную рейку ставили где? — спросила Лидия.

Майя указала на узкую площадку у северного фонаря.

— Обычно у внутренней сваи. Один человек держит рейку, второй смотрит осадку проходящего дома. Если проверяем глубину без проводки, опускаем её у трёх отметок.

Лидия сделала из полоски бумаги маленькую рейку и поставила у сваи. Толкач, проходящий официальным внешним маршрутом от синего сектора к третьему причалу, оставался от неё далеко. Даже если течение сносило мусор, прозрачная лента должна была пересечь две линии бонов и камышовый край, прежде чем попасть к винту.

— Могла? — спросила Левченко.

— Теоретически, — сказала Майя. — Если шкалу сорвало заранее, ветер вынес её из створа, она прошла через разрыв в боне и не прилипла ни к чему. Но вчера ветер шёл с запада. Он прижал бы её к камышам.

— А если толкач заходил в створ?

— Тогда легко. Винт тянет воду к решётке. Полоса могла намотаться, потом порваться, когда Сева дал задний ход.

Сева засунул руки в карманы.

— Я не заходил.

— Ни вечером, ни ночью? — спросила Левченко.

— Вечером понтон выводил внешним. Ночью дом тоже внешним.

— Тогда откуда шкала?

— Не знаю. Может, она была на толкаче раньше.

Майя покачала головой.

— Утром я проверяла решётку перед заправкой. Там было чисто.

— Во сколько?

— В шестнадцать двадцать. Есть фотография счётчика топлива, решётка попала в угол.

На снимке, сделанном Майей, защитные зубья действительно были видны не полностью, но нижний край оставался чистым. Прозрачную ленту можно было не заметить; чёрной тины ещё не было.

Лидия записала диапазон: после 16:20 и до конца ночного рейса. Вечерняя работа с понтоном проходила рядом с синим сектором, но не у северной рейки. Ночная — по словам Севы — тоже внешним маршрутом. Оба объяснения противоречили находке, если только шкалу не принесли на толкач руками.

— Кто пользовался переносной рейкой вчера? — спросила она.

Майя открыла журнал оборудования.

— Я брала две утром. Одну вернула в шкаф, вторую оставила у северного фонаря для контрольного замера после праздника. Белов просил перепроверить лёгкие дома перед ночной ротацией.

— Ту, основу которой нашли за шкафом?

— Не могу сказать. Они одинаковые, номера были на шкалах, а не на основе.

— Очень предусмотрительно, — заметил Ратников.

Он появился без кепки и выглядел так, будто ночь провёл за столом с документами.

Майя не ответила на насмешку.

— В восемь с небольшим я пошла за таблицей. Рейку у фонаря не проверяла. После смерти Белова решила, что её забрали при уборке. Сегодня пересчитала.

— Кто знал, что рейка там? — спросила Левченко.

— Все, кто слышал разговор утром: я, Белов, Павел Сергеевич. Сева стоял рядом с толкачом. Кирилл проходил по настилу.

— Я не слушал, — сказал Кирилл.

— Это не значит, что не слышал, — ответила Майя.

Ратников подошёл к макету и указал на белую нить.

— Если вы сейчас доказываете, что дом ходил севером, то ваш же макет не годится. Створ повёрнут.

— Поэтому мы не измеряем по синей линии, — сказала Лидия. — Истинную ось восстановили по неподвижным фонарям. Положение дома Белова подтверждено отдельно. Ошибка модели отмечена.

— А камыши? Они тоже художественные?

— Их край снят по фотографии в тот же день. Щетина толще настоящих стеблей, но линия корневого острова совпадает в пределах масштаба.

— В пределах чего?

Лидия назвала допуск. Ратников усмехнулся.

— Метр туда, метр сюда. На воде этого достаточно, чтобы пройти или сесть.

— Да. Поэтому модель не доказывает проход. Она помогает сформулировать, какие реальные расстояния надо проверить.

— Вчера помогала обвинять.

— Вчера я переоценила её точность.

Признание не обезоружило его, но лишило удобной мишени. Ратников ожидал защиты, а получил границу применимости.

Лидия взяла маленький белый дом Белова не руками, а пинцетом за основание. По согласованию с Левченко его вернули на чистый прямоугольник — прежнее место у синего буя.

Затем рядом поставили коробок, изображающий понтон. В масштабе между ними оставался узкий водяной карман.

— В 19:42 так, — сказала она. — К 20:06 понтон убран, дом остаётся. После праздника Белов уходит сюда с таблицей. Если он хотел проверить лёгкую осадку и северный проход, ему нужна была рейка у створа.

— Он не мог сам вести дом, — сказала Нина.

— Мог управлять своим малым мотором, но для дома его недостаточно. Мог попросить толкач. Мог только подойти к рейке на лодке.

— Или рейку принесли к нему, — сказал Кирилл.

Майя наклонилась над макетом.

— Зачем снимать шкалу?

— Чтобы номер не показал, какая рейка использовалась, — предположил Сева.

Левченко сразу спросила:

— Откуда знаете, что номер на шкале?

Он моргнул.

— Майя только что сказала.

Она действительно сказала. Лидия отметила это мысленно и не стала превращать нормальную память в ловушку.

Нина принесла увеличительное стекло, хотя у Лидии была собственная лупа. Под ним макет выглядел грубее. На белом доме виднелась пылинка, на лаковой воде — пузырёк, на красной крыше Суховых — след пинцета. Совершенство исчезало при увеличении первым.

— Можно проверить фотографии по теням, — сказала Лидия. — Не чтобы получить минуту, а чтобы понять, какой стороной дом был обращён после возможного раннего движения.

Архив Белова включал снимки дверей, поручней и окон, сделанные для заказа. В 18:11 белый дом был носом к юго-западу; солнце ложилось на правую стену. В 19:42 его положение у синего буя сохранялось, но понтон закрывал часть отражения. После заката фотографии уже не помогали.

Зато на снимке 20:03, где Белов держал береговой план, край листа был размечен цветными точками. Майя увеличила изображение.

— Синие — буи. Зелёные — береговые опоры. А вот чёрная линия — северный створ.

— План был ориентирован как? — спросила Лидия.

— Верхом к востоку. Неудобно, но Белов так рисовал от своего окна.

Лидия повернула распечатку. В нижнем углу рядом с линией створа стоял маленький прямоугольник и две цифры: 44/39. Вчерашняя осадка дома Белова.

— Это не общий проект сервитута, — сказала она. — Или не только он. На береговом плане нанесена осадка дома.

Ратников посмотрел внимательнее.

— Он мог записать после разговора с Майей.

— Мог. Тогда план связывал береговой вопрос с возможностью пройти севером.

— Почему?

— Пока не знаю.

Майя перебирала вчерашние фотографии на планшете. Нашла кадр в 19:42 и кадр дверной ручки в 20:06, затем открыла снимок, который раньше сочла браком. На нём рукав закрывал половину объектива, а в оставшемся углу виднелась вода у северного фонаря. Время — 20:09.

— Я сделала случайно, когда убирала телефон, — сказала она.

На воде плавала узкая белая полоска.

Сотрудник Левченко принял планшет, сохранил оригинал и увеличил кадр на ноутбуке. Полоска могла быть бликом, куском бумаги или частью шкалы. Но рядом с ней виднелся тёмный вертикальный предмет у сваи.

— Рейка, — сказала Майя. — Стоит на месте.

— Уверены?

— По высоте и белому наконечнику — да.

Если в 20:09 рейка ещё стояла у северного створа, её не использовали для вечернего вывода понтона. Шкала попала на толкач позже. Временной диапазон сузился: после 20:09 и до окончания ночного рейса.

— Белов ушёл от стола примерно в это время, — сказала Лидия.

— В двадцать двенадцать, — ответила Нина. — Я написала ему: «Пирог вынесу без свечей». Он ответил: «Десять минут».

Сообщение сохранилось. Ответ Белова пришёл в 20:13. Значит, в этот момент он был жив и пользовался телефоном. Это не определяло, где он находился, но связывало его уход с обещанием вернуться.

— Он вернулся? — спросила Левченко.

— К столу — нет. Я разрежала пирог на кухне и раздавала кусками. Все уже ходили кто куда.

— Речь?

— Не состоялась.

Лидия поставила на макет бумажную рейку у северного створа и маленькую чёрную точку у дома Белова. Между ними не было доказанной линии движения. Но теперь существовал порядок: в 20:09 рейка ещё у сваи; в 20:13 Белов обещает вернуться через десять минут; позже рейка исчезает, её основа оказывается за шкафом, а часть шкалы — на толкаче, которым ночью вёл Сева.

— Кто мог убрать основу за шкаф? — спросила она.

Майя перечислила ключи: у неё, Ратникова, Белова, запасной у Семёныча. Диспетчерская вечером не запиралась до начала ротации. Зайти мог любой участник праздника.

— Значит, опять почти все, — сказал Кирилл.

— Почти все могли зайти, — ответила Лидия. — Не все знали, какую рейку искать и зачем отделять шкалу.

Ратников смотрел на цифры 44/39 на фотографии плана.

— Белов хотел провести свой дом севером, — сказал он наконец.

— Почему вы так решили?

— Потому что сервитут зависел от подъезда к береговой полосе. Инвестор соглашался оставить посёлку проход, если аварийная техника сможет заходить с севера. Я сказал, что створ слишком узкий для тяжёлых домов. Аркадий хотел доказать обратное на своём, пока тот разгружен после ремонта.

— Вот почему осадка была ниже обычной, — сказала Майя.

— Он снял сейф и часть мебели для ремонта пола. Я считал, этого всё равно мало.

— Почему вы не рассказали раньше? — спросила Левченко.

— Потому что тогда пришлось бы рассказать о переговорах до решения общего собрания. И потому что я не думал, что он попробует ночью.

— Вы знали, что попробует?

— Знал, что хочет проверку. Думал — утром, с экипажем.

Это объяснение делало Ратникова полезнее и подозрительнее одновременно. Он скрыл мотив для раннего движения, знал осадку и спорил с Беловым о северном створе. Но его слова совпадали с цифрами на плане, существование которых он не мог уверенно различить до увеличения снимка.

Лидия не позволила совпадению стать оправданием. Записала: «Ратников утверждает: Белов хотел испытать северный проход ради условий сервитута. Проверить по документам и переписке».

Затем она вернулась к красному дому Суховых. Ошибка по-прежнему стояла в красивом месте.

— Можно теперь переставить? — спросил младший мальчик.

— Теперь — нужно.

Сотрудник закончил фиксацию. Лидия взяла дом пинцетом и перенесла к аптекарской даче по трём фотографиям. Красная крыша действительно слилась с навесом. Композиция стала тяжелее слева, первый причал опустел, белый дом Белова потерял равновесную пару.

Макет стал менее красивым и более похожим на вечер.

На чистом месте от красного домика обнаружился тонкий карандашный крестик. Лидия ставила такие метки перед окончательной приклейкой элементов. Крестик не относился к настоящему посёлку, но честно показывал историю модели: здесь мастер собиралась расположить дом и расположила, несмотря на факты.

— Теперь не врёт? — спросил Сева.

— Теперь рядом с каждой важной точкой известно, почему ей можно верить и насколько.

— Длинный ответ.

— Короткий уже подвёл.

Левченко забрала копию ведомости происхождения. Майя сфотографировала белую нить истинного створа и пообещала снять реальные расстояния после разрешения полиции. Нина унесла пустые чашки.

Когда под навесом стало тихо, Лидия посмотрела вдоль нити. Истинная ось проходила не по нарисованной красивой воде, а поверх неё, косо и неудобно. У северной сваи стояла бумажная рейка. У синего буя — дом Белова. Между ними лежал маршрут, который модель не могла доказать, но теперь помогала проверить.

В блокноте появились две записи.

«ВИДЕЛА: в 20:09 переносная рейка ещё стояла у северного створа; на береговом плане Белова нанесены осадка 44/39 и линия северного прохода; часть шкалы позже оказалась на толкаче».

«ИСПРАВИЛА: красный дом Суховых был передвинут мной ради композиции; декоративная ось створа повернута на три градуса. Эти элементы не являются записью. Положение дома Белова подтверждено независимо».

Ниже Лидия написала вопрос:

«Кто после 20:09 снял рейку, отделил шкалу и завёл толкач в северный створ — и зачем основа вернулась в диспетчерскую без номера?»

Модель не солгала ни разу. Она всё это время точно показывала сделанные Лидией домики, её измерения, её допуски и её желание, чтобы посёлок выглядел лучше, чем был. Ложью была только надежда, что работу мастера можно принять за память воды.

Глава 7. Три удара о понтон

Голосовое сообщение нашлось не у Белова, а у Нины.

Она вспомнила о нём, когда все уже разошлись от макета и на длинном столе остались только карандашный крестик, белая нить истинного створа и круги от чашек. Нина вернулась из своего дома без зонта, хотя дождь успел перейти из обещания в мелкую водяную пыль. Телефон она несла обеими руками, как горячую кастрюлю.

— Я его не слушала после той ночи, — сказала она. — Там ничего особенного. Аркадий просил не ждать с пирогом.

Левченко ещё не уехала. Она приняла телефон, попросила Нину назвать код и включила запись, не передавая аппарат никому.

Белов говорил негромко и чуть запыхавшись:

— Нин, режьте без меня. Тут надо одну вещь проверить. Я скоро.

За его голосом плеснула вода. Потом прозвучали три металлических удара: первый глухой, второй звонче, третий почти сразу за вторым. В конце коротко заурчал мотор или генератор. Запись оборвалась.

— Это понтон, — сказал Кирилл.

— Какой? — спросила Левченко.

— Грузовой. У него левая аппарель болтается.

— Вы сейчас узнали или помните, что она болталась?

Кирилл нахмурился.

— И то и другое.

Лидия слушала молча. Три удара легко превращались в то, что человек уже хотел услышать. Стоило назвать аппарель — и звук становился аппарелью. Стоило сказать «цепь» — в нём появлялась цепь. Макет научил её хотя бы одному: убедительность формы не равна надёжности свидетельства.

Левченко отправила файл своему сотруднику и записала время: сообщение пришло Нине в 20:18. Телефон Белова мог показывать другое время, файл мог пережиматься приложением, а отправка могла задержаться из-за связи. Пока это была не минута события, а верхняя граница с неизвестной погрешностью.

— Можно будет получить копию? — спросила Лидия.

— После извлечения исходного файла. И только для сравнения звуков, не для самостоятельной охоты. Что именно хотите сравнивать?

Лидия указала на бумажный прямоугольник, изображавший грузовой понтон.

— Не «похож ли звук». Это слишком удобно. Нужно записать возможные источники в известных местах и при известных условиях. Аппарель, цепь, отбойник, пустую бочку, дверцу шкафа. Потом проверить, что мы вообще способны отличить.

— И если способны?

— Тогда узнаем класс источника и окружение. Не человека.

Кирилл фыркнул:

— По записи с телефона вы и класс не узнаете.

— Возможно. Это тоже результат.

Левченко посмотрела на воду. Дождь стирал резкие отражения, но ветер оставался почти тем же, что накануне вечером: западный, слабый, с редкими порывами вдоль синего сектора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.